

Владимир Татауров

**БЫЛЫХ столетий
ИСТОВАЯ СИЛА**

Избранное

**Санкт-Петербург
Издательство ДЕАН
2022**

ББК 84.Р7
Т12

Татауров В.

Т12 Былых столетий истовая сила. Стихотворения и поэмы. Избранное. – СПб., Изд-во ДЕАН, 2022. – 272 с.

ISBN

В книгу, издание которой приурочено к 70-летию поэта, вошли избранные стихотворения и поэмы. В их основе лежит глубокое изучение и творческое переосмысление истории России, освоения Камчатки, различных архивных материалов, а также трепетное отношение и глубочайшее уважение к героям прошлого, творившим историю нашей Родины. Это очень искренняя книга. Поэт нашёл именно те образы и слова, которые понятны современнику и созвучны нашей эпохе.

Редактор *Е.М. Жабинковская*

Технический редактор *А.Г. Плюскова*

Дизайн обложки *Е.М. Ахматовой*

*Тем, кто строил корабли и храмы,
посвящается*

ISBN

© Владимир Татауров, 2022

ИСТОВАЯ СИЛА ПАМЯТИ

Солнечным днём воскресенья 5 сентября 1954 г. в морской порт города Петропавловска-Камчатского Хабаровского края пришёл теплоход «Ильич». На камчатский берег ступили четверо пассажиров: двухлетний я за руку с четырёхлетней сестрой Галиной и наши родители – педагоги из города Хабаровска Полина Андреевна и Владимир Иванович Татауровы.

Это был во всех отношениях замечательный день! В городе торжественно отмечали столетие разгрома англо-французской эскадры в Петропавловск-Камчатском порту. Папа, выпускник Иркутского государственного университета им. Жданова, защитивший дипломную работу на тему «Боевые действия на Камчатке в Крымскую войну 1854–1855 гг.», пошёл искать гостиницу, а мы с мамой и сестрой сидели на чемоданах и до вечера терпеливо ожидали прихода папы. Наверняка, мама запомнила, каким счастливым глава семьи пришёл к вечеру с Никольской сопки и как он с восторгом рассказывал семье о третьей батарее лейтенанта А. МаксUTOва. Это была увлекательная история Камчатки.

А потом в Управлении народного образования добрые камчатские чиновники отговорили родителей коммунистов, ради нашего с сестрой здоровья и жизни, от поездки на лошадях по заснеженным перевалам к месту работы в Быстринский район за 500 километров от камчатской столицы.

Родителей направили на работу на окраину Петропавловска-Камчатского в пос. Моховая, где в средней школе не хватало педагогов. В кузове грузовика

с гордым названием «Грузтакси» мы подъехали с чемоданами к двухэтажному восьмиквартирному деревянному дому. На пороге нашей комнаты стоял пьяный мужчина с топором и, вращая бешеными глазами, кричал, что никого в эту комнату не пустит. В этой комнате на прошлой неделе повесился человек.

На шум из соседней комнаты вышли два парня в тельняшках и посоветовали нам идти жить в соседний барак, там была квартира одного из этих парней. «Скажите соседям, что ключ вам дал Костя Морячок, и живите, сколько вам надо. А я холостяк и хожу в море. Вам с детьми квартира нужнее». Это было соперевживание Камчатки.

Когда родители уходили на работу, мы с сестрой приходили в гости к соседке бабушке Фёкле, которая нам пекла вкуснейшие булочки и пирожки. Даже спустя пять лет, проживая в большой двухкомнатной квартире красивого дома с балконами, мы с сестрой ходили в наш барак, к бабушке Фёкле, рассказывали ей про учёбу в школе и читали вслух книжку «Родная речь». Бабушка была очень одинока и всегда радовалась нашему приходу. Это была доброта Камчатки.

Из клочков воспоминаний, слов, обрывков разговоров, запахов, мимолётностей возникают объёмные цельные картины постижения – родителей, семьи, дома, Камчатки, Родины...

И вот уже в Средней школе № 20 учитель словесности Нина Александровна Сквородко учит меня писать сочинения и читает мои первые стихотворные опыты.

Потом я уезжаю учиться в Хабаровском Политехническом институте, работаю на материке... Но

всегда возвращаюсь к моей Камчатке, в наш когда-то красивый дом с балконами на Моховой. Ведь это моя родина.

Только однажды я изменил Камчатке, когда в 2010 г. на несколько дней приехал на экскурсию в Соловецкий ставропигиальный монастырь и... остался там на всё лето. Потом каждый свой отпуск я стал ездить не к Чёрному, но к Белому морю. На Соловках я нёс в монастыре послушание трудника и был там счастлив, как на родине. На удивление, я стал настоящему писать стихи. Хотя к тому времени для друзей уже издал две поэтические книжки – «Стихийные творения» и «Грустной памяти вокзал», но первой моей серьёзной книгой я считаю книгу «Причастный». А в 2020 г. случилась долгожданная книга «Ихтис». Эта книга об удивительной истории Камчатки, её доброте и соперевживании... Меня приняли в Союз писателей России.

Книга состоялась «в нужном месте и в нужное время», поэтому в 2020–2021 гг. я в составе общественной организации «Библиотечная ассоциация Камчатки – Литературно-краеведческий десант» объехал всю Камчатку с востока на запад и с юга на север. Встречался с читателями посёлков Палана, Соболево, Октябрьский, Усть-Большерецк, Апачи и Кавалерское, Мильково, Ключи, Усть-Камчатск, Козыревск... Своими стихами и поэмами я признавался читателям в любви к моей Камчатке, моей родине. Мои новые друзья познакомились с Дуней Бужениновой и её Великой Святой Наследницей, с командиром воинской части № 47127 полковником В. А. Попко и бесстрашным унтер-офицером М. И. Сотниковым, с отважным лей-

тенантом А. П. Максutowым и героями «смертельной» третьей батареи, со святым новомучеником дальневосточным Серапионом Амурским и с грузчицей Петропавловского порта Ольгой... Это камчадалы, о судьбе которых я много размышлял, которым сопереживал, о которых помнил.

Всё стремительней раскручивается маховик времени. Мелькают еле различимые лица, одно важное событие сменяется другим, более важным. Уже навсегда остались на Камчатке моя сестра и родители. А во мне хранятся память и любовь к ним. Память и любовь неотделимы от семьи, дома, Камчатки, Родины. И с каждым мгновением это становится историей. Где-то там остался двухлетний мальчик, стоявший на причале морского порта города Петропавловска-Камчатского Хабаровского края за руку с четырёхлетней сестрой Галиной и с родителями. Он – как мост между прошлым, настоящим и будущим. И вы, читатели, – тоже мосты – деревянные, металлические, железобетонные... Сопереживайте и берегите свою историю. Пусть будут добрыми ваши берега! В добрый путь!

*Владимир Татауров,
член Союза писателей России*

ПРИЧАСТНЫЙ

Я причастен к высокому небу,
к ледовитым полярным морям,
к подземелий таинственным недрам,
к неприступным скалистым горам.

Я к земле ненаглядной причастен
и по ней не сутулясь иду,
ведь причастен я жизнью и счастьем
к просолённому потом труду!

Знаю сызмальства честное дело,
потому-то и совесть чиста.
А причастен я Кровью и Телом
Иисуса Христа!

2015 г.

* * *

Я люблю эту жизнь!
С каждым годом всё больше и больше.
За внезапную осень,
за дым от лесного костра.
И, проснувшись в палатке,
я думаю: Господи Боже,
благодарствую,
что мне позволил дожить до утра...

А потом у кострища
на тёплых осколках гранита
разложу я бумагу
и буду писать и писать
мне приснившуюся в сновидениях
дивную книгу
о дорогах моих
и о звёздном пути в небесах.

Соберу все листы.
Выпью кружку брусничного чаю,
пока рифмы и ритмы стихов
не уймутся в мозгу.
Снова набело всё напишу.
Ещё раз прочитаю.
И листок за листком
аккуратно всю книгу сожгу.

И падёт серый пепел
на травы, кусты и палатку,
над костром поднимаясь,
в тиши невесомо паря.

Сочинить бы мне жизнь,
чтоб всё было красиво и гладко...
Только рукописи, к сожаленью,
отлично горят.

Ну а жизнь пробежала
в достойном внимания беге.
И всё чаще её отраженье
в разбросанных снах...
Вечереет.
Над лесом плывут невесомые снега
белоснежной золою
от чьих-то стихов в небесах...

Скоро будут циклоны с метелями,
я полагаю.
И забелятся снова
просёлки, леса и поля.
Я люблю эту жизнь...
Говорят – есть иная, другая.
И от этого как-то тревожно
и грустно, друзья...

2014 г.
Большой Соловецкий остров

ЖИЗНЬ

*Памяти моего деда
Ивана Ивановича
Татаурова*

Жизнь могла бы, конечно,
сложиться иначе.
Но вождам-то виднее,
они без греха.
Так, в тридцатом году
был мой дед раскулачен
и отправлен на лесоповал
в Туруханск.

Как обычно,
народ свой вожди не жалели.
Дед случайно остался в живых.
А потом
ноги сильно у деда
под старость болели
перебитые в бёдрах
упавшим хлыстом.

И рубил он кайлом уголь,
как враг народа
под землёй,
ведь не место врагам на земле.
И всё верил и ждал
каждый день год от года,
что когда-нибудь там
разберутся в Кремле.

Так надеждой и жил.
Не ропща и рутинно.
Но в году девяностом
в конце февраля
дед в газете прочёл,
что реабилитирован.
И безвинным его
в этот день
отпустила земля...

2007 г.

* * *

Памяти В. П. Тумило

Февраль снегами заметает след.
Морозы вновь привычные настали.
Давно в окне не виден силуэт
мужчины у открытого рояля.

Но кажется, что вышел он во двор
и на крыльце с друзьями балагурит.
И вот, стоит рояль с тех самых пор
и по рукам хозяина тоскует.

Он вышел.
И рояль осиротел...
И днём и ночью ждёт его:
когда же?
Им предстоит закончить сколько дел,
а он ушёл –
не попрощавшись даже.

Набухли струны болью и тоской –
как хочется звучать в минорном ладе,
чтоб он вошёл и властною рукой
клавиатуру ласково погладил...

2 февраля 2014 г.

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

Когда закончился концерт,
под хризантемы и под розы,
он вытер пальцем на лице
свои нечаянные слёзы.
Потом сошёл с галёрки вниз
с чуть покрасневшими глазами.
А именитый пианист
ещё раскланивался в зале.
Двоих
невидимая нить
связала в непонятном действе.
Пытаясь вспомнить, объяснить,
что ощущал когда-то в детстве,
он брёл в распахнутом пальто,
шептал замёрзшими губами,
желая рассказать всё то,
что трудно передать словами.

2005 г.

* * *

В роще за дорогою, в тиши,
как дымок от сигареты, зыбко
завучала музыка души,
потаённая моя музыка.

Ах, какая музыка была,
вся из сострадания и боли.
Испугалось тело – ну, дела! –
и залило душу алкоголем.

2 октября 1993 г.

СОВКА-НОЧНИЦА

Кристине

Когда спускается на город сонный
сиреневый туман в полночный час,
из мрака ночи прилетает совка,
чтоб в окна освещённые стучать.

Прошу тебя, чтоб крыльями ты была
потихе в это светлое окно,
где женщина печальная любила
и любит безответно всё равно.

Крылатая, лети из мрака к свету.
Возможно, у тебя последний шанс
сегодня ощутить себя поэтом,
ведь ты не совка вовсе,
а – душа!

Пускай полёт твой будет, словно песня!
А если вдруг погаснет свет в окне,
лети, родная, прямо в поднебесье,
где звёзды зажигают в вышине.

28 июня 2016 г.

ПРО СТЕЛЛЕРОВУ КОРОВУ*

...Морских коров так много, что их одних
хватило бы для питания жителей Камчатки.
Жир похож на свиной, а мясо на телятину.

С. П. Крашенинников.
«Описание земли Камчатки». 1755 г.

Виллю Борщевскому

В Индии полным-полно народа.
Там, куда ни глянь, повсюду йог.
Ходят там священные коровы
по лужайкам или вдоль дорог.

И у нас в краю ветров суровых,
много лет назад и много дней,
плавали священные коровы
в тихих заводях, вблизи людей.

В устьях рек морской травой питались.
В тёплых водах, где неглубоко,
словно люди ссорились, влюблялись,
вскармливали деток молоком.

Было в их глазах людских и ясных
столько сострадания судьбе,
что никто не ел коровье мясо.
Кто же ест подобного себе?

* Морское млекопитающее отряда сирен. Открыта в 1741 г. Г. В. Стеллером. К 1768 г. полностью истреблена в результате хищнического промысла. «*Энциклопедический словарь*». 1989 г.

Домыслов не признаёт наука.
И никто сейчас не даст ответ –
если б съели Беринга, как Кука,
выжили б коровы или нет?

Никому до этого нет дела,
как святых доверчивых коров
забивали вёслами
и ели
гости,
жадно набивая рот.

И сидят в раздумье ительмены –
ничего святого впереди.

Понаехали миссионеры,
учат – «не убий, не укради...».

17 декабря 2006 г.

КОРЯКСКИЙ ТАНЦОР

Из изломанных яростью губ
проклиная зевак и прохожих,
чёрной птицей на белом снегу
танцевал он,
на Кутха* похожий.

Нараспашку рубаху рванув,
но не в филармоническом зале,
за доверчивых предков вину
в танцах он
искупал на базаре.

Отражались в раскосых глазах
головни от сожжённых острогов.
Серым волком бежал от казац-
кой погони к Ганальским отрогам.

Охраняли его на пути
полноводные реки и доли.
И, конечно, его не найти
новоявленным конкистадорам.

Но тоска безнадёжных годин
заставляет однажды быть первым –
пусть безумцем –
один на один
выйти против империи.

* Ворон Кутх – божество, традиционно почитаемое коренными народами Дальнего Востока, создатель мира, земли, людей, животных. Его образ в мифологии весьма неоднозначный и трактуется на любой лад.

А за это ногами пинал
наш народ
на базаре коряка.
Вот такой получился финал.
Впрочем, так и должно быть...
Однако.

Ноябрь 2006 г.

ПО РЕКЕ КАМЧАТКЕ. ИСХОД

Наверно, мы прогневали богов,
поэтому они жестоки с нами.
Уходим прочь от отчих очагов
рекой, ещё не скрытой подо льдами.

На лодки порубили тополя,
посаженные нашими дедами.
А утром снегом заметёт поля
и перепутья с нашими следами.

Куда нам, бесприютным, убежать?
Мы нынче не хозяева, а гости.
И подмывают волны берега
с упавшими крестами на погосте...

Когда-нибудь, в иные времена,
пусть тот,
кто посетит долины эти,
забытые помянет имена
людей, не переживших лихолетья.

1999 г.

В ХРАМЕ

Как наивный ребёнок,
стоит со свечой ительмен.
И она восковыми слезами
течёт по ладони.
Он пришёл рассказать,
что он честен, порядочен, смел,
но что нет у него
ни реки, ни земли и ни дома.

Пусть подскажут ему
справедливый и честный закон
эти люди святые со стен
в золочёном сиянье.
Но Великие Лики молчат
с потемневших икон.
И похоже,
что это молчанье
сродни покаянью.

27 января 2007 г.

БУБЕН

Прадедов бубен шаманский
в дырах – лежит за селом
в дурно воняющей массе
свалки, где мусор и лом.

Кто бы теперь мог подумать,
что этот рваный предмет
чутко выслушивал души
тех, кого с нами уж нет.

Как непрменный участник
радостных дней и беды,
с пульсом шамана стучался
в сердце Полярной Звезды.

С яростью неоднократно
Бубен камлал* над огнём –
что ж вы, родимые братья,
в доме творите своём?

Слёзы от едкого дыма
над пепелища золой...
Небо в озоновых дырах
бубном висит над Землёй.

23 декабря 2006 г.

ПОЭТ

Утонули други.
Штормом боты
разметало далеко окрест.
К мачте привязался, слава Богу,
и она несла меня, как крест,
к берегам неведомым и дальним,
где я внове познавал азы,
где еду и кров мне люди дали.
Но где я забыл родной язык.

Так брожу, людей не замечая,
старый и измученный уже,
по слогам бесщётно повторяя
звуки,
лишь понятные
душе.

13 апреля 2007 г.

* Камлание – совершение шаманского обряда.

ПОМОРСКАЯ ПЕСНЯ

Возвращаются птицы.
Закончилось время снегов.
И забылось уже,
что недавно снег сыпал и сыпал.
В устье выберу тополь
и лодку срублю из него.
И свой крестик надену
на шею подростшему сыну.

– Ты пойдёшь через Ламское море*
встречь солнцу, сынок.
Там земля, где евражки
грызут золотые орехи.
Там хмельные озёра
с хрустальной водой, как вином.
И текут из горячей земли
рыбой полные реки.

Там тебя уже ждут –
мол, придёт из-за синих морей
сероглазый и русский,
в заморское платье одетый, –
и к тебе приведут
камчадалы своих дочерей,
а потом народятся
красивые сильные дети.
Верю, будет удача с тобой.
А по нам не грусти.

* Ламское море (простореч.) – Охотское.

Всё равно, нам однажды
придётся навеки прощаться.
Ты уйдёшь на рассвете.
Попутного ветра в пути.
Постарайся дойти.
И не надо назад возвращаться.

В устье выберу тополь
и лодку срублю из него.
И свой крестик надену
на шею подростшему сыну.
Возвращаются птицы.
Закончилось время снегов.
И забылось уже,
что недавно снег сыпал и сыпал.

30 декабря 2006 г.

СТРАННИКИ

Кате Шимчик

Когда-то наша скромная планета
Огромной и загадочной была.
И странствовали странники по свету,
И совершали славные дела.

Тогда газет и книжек не читали,
Но если шёл бывалый человек,
Его сельчане очень почитали
И с радостью пускали на ночлег.

И ночи напролёт текли беседы
О древних и таинственных местах,
О городах заморских и соседних...
И даже про распятого Христа.

Ведь знал Господь, что про Него расскажут.
Апостолы несли Ученья свет.
Не слышали миряне слова «гаджет»,
Не верили в Wi-Fi и интернет.

Менялись люди, времена, эпохи...
И, путаясь порой в добре и зле,
Мы стали жить, казалось бы, неплохо,
Но странников не стало на Земле.

Их, странствующих по Земле исконно,
За сотни вёрст в округе не найти.
Но если приглядеться в телескопы –
Смотрите, вон они бредут всем скопом
По звёздной пыли Млечного Пути...

30 июня 2016 г.

В БЕССМЕРТНОМ ПОЛКУ

Он в строю со всеми, фотоснимок,
жёлтый покоробленный листок –
мама из Осоавиахима,
папа со значком БГТО*.

Из весны далёкой с оптимизмом
смотрят и совсем не сознают,
что живут в эпоху сталинизма,
в годы культа личности живут.

И стоят, красивы и опрятны,
светлыми надеждами полны,
под прицелом фотоаппарата
канувшей в историю страны.

В сорок первом
восемнадцать им. А
сколько ожидает их всего...
Маму из Осоавиахима,
папу со значком БГТО.

9 мая 2006 г. – 9 мая 2016 г.

* Осоавиахим – общество содействия обороне, авиации и химическому строительству. БГТО – будь готов к труду и обороне СССР.

* * *

Когда были живыми родители –
не герои и не воители, –
я не спрашивал их о войне.
А Великой войны победителей
было много живых по стране.

Помню их три медали за службу.
И у мамы был шрам на ноге,
из сраженья у города Суджа,
или Льгова на Курской дуге.

Как мог я не задать ни вопроса –
про войну, про друзей и подруг...
Ведь спросить было, в сущности, просто.
Да всё недосуг...

9 мая 2005 г.

ОСТРОВ ШУМШУ

И. В. Вутер

Не судите.
И я не сужу.
В полыхающих красках заката
на забытом Курильском Шумшу
наш десант и солдаты микадо
поросли и травой, и быльём...
Там же дзоты, и ржавые танки...
Но под дёрном сцепились вдвоём
в смертной схватке
останки.

Здесь никак не окончится бой
самураев и наших морпехов.
Им салют – океанский прибой!
Им шторма – как минувшего эхо!

Нераздельного тлена комком
двое бьются в раскопе траншеи.
Первый – русским гранёным штыком.
А второй – самурайским клинком.
Даже в прахе не зная прощенья.

В ожидании Судного дня
они кровью сроднились, как братья...
Ну, а мы их стальные объятья
разомкнули...
И Бог нам судья.

1 ноября 2014 г.

ЧАЙКИ

Чайки, вечные спутники душ белокрылых
моряков, что покоятся в водах морских,
на подходе к Шумшу
на далёких Курилах
смотрят сверху,
как в волны ложатся венки.
Но не так, как на братских могилах на суше...
Вдруг рванули

рассвет

катеров

ревуны.

И не чайки уже – белокрылые души
полетели в забвенье минувшей войны.
Там в атаках «За Сталина!»
с криком призывным
шли матросы в тельняшках
волна за волной...
Не венки – то плывут по волнам бескозырки
из последнего боя Второй Мировой...
Здесь он – грозный десант!
Поимённо.
Он – с нами!
Белокрылые души матросов молчат.
Только море взволнованно бьётся о камни.
Да о чём-то

отчаянно

чайки

кричат...

14 ноября 2014 г.

КОТЕЛОК

Памятник солдату неизвестному...
Пусть не гаснут Вечные огни!
Сколько их, потерянных в безвестности?
На каких погостах спят они?

С душами, войною обожжёнными,
жизнь свою в боях не сберегли.
Не дождались матери и жены их,
и никто не помнит этих лиц.

И того безусого солдатика
с нарочито доблестным баском.
На десантном судне, в старом ватнике,
на ремне с походным котелком.

Как и все, он закричал: «За Родину!»,
прыгнул вниз, преодолевая страх.
... Там он и лежит.
Не захороненный.
На Курильских дальних островах.
Не отмечен никакими знаками,
вдалеке от хоженных дорог.

Рядом с безымянными останками
на ремне походный котелок
ждёт и верит, что судьбой назначено,
в этих сопках, где прошли бои,
кто-то с доньшка очистит ржавчину.
Прочитает: «БАРХАТОВ А. И.».

28 октября 2014 г.

КУРИЛЫ

Острова гряды Курильской –
Неизведанная даль.
Сколько мужества и риска,
Что ни остров – то печаль.

И циклоны, и вулканы,
И цунами водопад...
Здесь под минами на камни
Краснофлотцев лёг отряд.

Но построили причалы,
И дороги, и дома.
И практически случайно
Не отдали задарма.

Ожерелье! –
Но не узы.
Иноземец, не проси
Дорогие сердцу бусы
Нашей матушки – Руси.

16 ноября 2014 г.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АТЛАНТАХ

Мы курили внутри планеты.
А в тот вечер, среди ветров,
Журавли улетали где-то.
Мы курили в коре планеты
На проходке метро.

Деформируясь на сантиметры,
Крепь сгибалась над головой.
Это всё пустыки, сантиметры –
Под землёю мы не впервой.

А когда мы поднялись наверх,
Замер ветер,
Качнулась сфера.
И сорвалось на всех
Небо,
Весом в одну атмосферу.

Мы смотрели с безмолвной земли,
Как в багровом закате печально
Улетали на юг журавли.
А мы их провожали с земли,
Неба свод подпирая плечами.

*1975 г.
г. Ленинград*

* * *

*Памяти домостроителей
г. Петропавловска-Камчатского,
Героев Социалистического Труда
И. П. Кибалюка и Е. П. Япрынцева*

Как-то тихо ушли великаны.
Их спины
где-то там, далеко,
в измерениях иных.
Это позже потомки
в стихах и в былинах
всё опишут.
Сегодня пока не до них.

Современникам некогда.
Нынче с размахом
на обломках державы
в грязи и в пыли
за наследство борьба.
Ни стыда и ни страха...
А бояться кого? –
великаны ушли...

Бескорыстным и щедрым –
уже не должны мы
ничего,
расплатилась страна по счетам.
Так ушли великаны
в просторы иные,
к недостроенным
звёздным своим городам.

И пугливо из окон
в прощанья минуты
наблюдали,
за шторами спрятавшись,
вы,
как под шёпот
завистливых
злых лилипутов
уходили они.
Безвозвратно.
Увы.

29 января 2007 г.

ПАМЯТНИК

Вождь трудящихся на Театральной
у театра комедий и драм,
трудно быть в наше время нейтральным
и к товарищам, и к господам.

Здесь рекой демонстрации плыли,
шли военных парадов ряды.
И слова ядовитые, злые
налипали, как птичьи следы.

Ты глядишь с пьедестала победно
в окружении чаячьих стай.
И пока что – огромный и медный –
за валюту не продан в Китай.

Да, Россия щедра и богата –
это счастье, а может, беда...
За эпохой титанов-гигантов
наступают пигмеев года...

Те не строят, не сеют, не пашут.
Лишь возня переделов и драк.
И стоишь ты в пальто нараспашку
у театра комедий и драм...

2 октября 2001 г.

В ДЕНЬ 50-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ

Страна моя, как можно не дивиться
Твоей заботе о грядущих днях.
Твои сыны вальжжные – в столице,
А пасынки – в забытых деревнях

Живут и телом нищие, и духом,
Реальность перестав воспринимать,
В наркотиках, порнухе, бормотухе.
И без различий между «мат» и «мать».

Политики, банкиры, бизнесмены,
Не окупить вам никакой ценой
Панфиловцам достойную замену,
Чтоб встали вдоль московской кольцевой.

Тот бой сегодня кончился б иначе...
Осталась Память – бронза и гранит.
И, как всегда, мы – потерявши плачем,
И снова, что имеем – не храним...

9 мая 1995 г.

* * *

Времена безбожия растаяли.
Стала жизнь налаживаться, вроде бы.
И осьмиконечный крест поставили
над кинотеатром бывшим «Родиной».

Господи, прости мою греховность,
только объясни мне,
это – или
обретает Родина духовность
или
вновь её похоронили?

1995 г.

СОВОК

Господа, с вами каши не сваришь.
Никакой я не пан и не сэр.
А зовите меня – товарищ!
Ведь я родом из СССР!

Я – совок из Советской России.
И отец мой такой же совок,
Как-никак, три державы осилил
И ещё три, признаюсь, бы смог.

А моя комсомольская юность
По Байкало-Амуру прошла
Через реки, болота и выюги.
Вот такие, братишки, дела.

Надоели уже разговоры,
И безмолвствует что-то народ.
Подзабыли про выстрел «Авроры»
И не помнят семнадцатый год.

Как мы песни о Равенстве пели!
Как мы строили то, что хотели –
Новый мир, где от счастья светло,
В Революции славной купели!

За «пятак» –
Пять советских копеек –
Айда, братцы, в Совок на метро!

2015 г.

ВОЗРАСТНОЕ

Листаю памяти бессонный календарь,
Где, ангелами нашими хранимо,
Уходит время в призрачную даль
С друзьями и поступками незримо.

Там вечно новый наш кирпичный дом.
И с негатива старой фотоплёнки
Вдруг проявились матушка с отцом...
Там первая любовь. И смех ребёнка...

Всё ожило,
Забытое давно.
И каждый день ушедший,
Словно праздник!
А за окном пустынно и темно...
А прошлое всё ярче и контрастней.

2015 г.

* * *

Татьяне Крыловой

Жили атеистами,
Без веры,
Без церковных праздников и дат.
И не всякий понимал, наверно,
Что такое свыше благодать.

Но однажды светлою печалью
Ночь была торжественно полна...
И вулкан Вилучинский венчала
Позолотой купола луна...

Я не знаю, что это такое,
Но зачем-то позволяют нам
Вдруг узреть над вечности покоем
В звёздном небе серебристый Храм.

Где-то рядом чувствовал я смутно
Всех, кого любил,
Кем дорожил.
И неловко было почему-то,
Что без веры
Я так долго жил...

27 марта 2007 г.

КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

За окошком лишь ветер осенний
с океана туманы несёт.
Где-то рядом Блаженная Ксения
в старой кофте зелёной идёт

по бульжнику,
ноги босые,
в красной юбке.
И в холод, и в зной,
как два века назад, по России,
одиноко идёт стороной,

состраданья полна и участия...
Но всё молит и молит народ:
– Дай монетку, родная, на счастье.
И Блаженная Ксения даёт...

Видишь, медной монеткой упало
солнце в море из благостных рук.
Засыпает опять Петропавловск,
Просыпается Санкт-Петербург.

*23 июня – 12 октября 2006 г.
Санкт-Петербург –
Петропавловск-Камчатский*

ИУДА ИСКАРИОТ

Мне не надо от вас ничего.
Заплатили мне много,
чтоб устами я предал Его.
Человека

и
Бога.

Я любил Его.
И почитал.
И хотел быть, как Он.
Но клянусь я –
Он заранее всё просчитал.
Тот,
Кого я
губами коснулся.

Всё, что будет у нас впереди,
ведал Он.
И по правую руку
Он в тот вечер меня усадил.
Хлеба дал.
Успокоил, как друга.

Кабы знать,
я б не съел ни куска.
И вином запивать не рискнул бы...
Тянет душу тоска...
Обуглились губы.

...Он висел,
вознесённый крестом.

Мир объяв
над Голгофы вершиной.
Он простил вам
всё то,
что вы, добрые люди, свершили.

Сброд людской,
полупьяный, тупой,
нет мне ваших законов и судий.
Вот вам –
тридцать монет –
на пропой!
Погрустите о бедном Иуде...

...Ты прости,
дорогая осина,
за верёвку на ветке твоей.
Просто нет у меня больше силы
видеть мерзкие лица людей.

2004 г.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА*

Я так хочу помыслить вместе с вами,
Поднявшись в человеческой высоте,
О нашем Звёздном Доме над горами,
О Вечности, Любви и Чистоте.

Я так мечтаю ощутить блаженство
От ниспадения леденящих уз.
Свободным стать и в Теле Совершенства
Услышать пенье Первозданных Муз.

Не закрывайте двери в Отчем Доме,
Я утром возвращаюсь из гостей.
Как ярко светят звёзды сквозь ладони
В отверстиях от вырванных гвоздей!

2004 г.

* В соавторстве с А.А. Бухтояровым.

* * *

Год от года не легче,
посему наш народ,
в троеперстье сжав свечи,
Крестным ходом идёт.

Снег безудержно тает,
отступает зима.
Нынче – Пасха Святая!
Впереди – Первомай.

И без счета поклоны.
И целуют взасос
коммунисты иконы.
Воскресает Христос!

8 апреля 2007 г.

* * *

«У природы нет скверной погоды», –
говорит соловецкий приход.
Не в традициях крестного хода
при пурге отменять крестный ход.

Не робей, соловецкая паства!
Уж кому, но тебе не впервой.
Снег с дождём соловецкую Пасху
окропляет небесной водой.

Онемели от холода руки,
и из пальцев слабеющих вдруг
вырываются птицы хоругвей
в перелёт – однозначно на юг.

Но упорно твердит год от года
соловецкое наше село:
«Повезло нынче в Пасху с погодой!
В прошлый год посильнее мело...»

*15 апреля 2015 г.
Соловки*

«ТРОЕРУЧИЦА»

В Храм стучащему двери откроются.
Полон робости, страха, тоски,
Я пришёл к Пресвятой Богородице
И увидел Её три руки.

На руках Она держит Спасителя,
Колыбельную песню поёт.
И стоящему рядом просителю
Милость третьей рукой подаёт.

– Троеручица, Матушка Божия,
Утоли мою злость и печаль.
Объясни мне ничтожному – кто же я,
Пред Тобой стою здесь и сейчас?

Красит окна кровавое зарево.
И, природе людской вопреки,
Оттого что людей не одаривал,
Не выросли у меня две руки.

Я иными руками здороваюсь,
В пальцах – золото и серебро...
Почему ж не дано мне испытывать
Делать людям руками добро?

Чтоб, когда путь земной мой закончится,
Тот, кто должен меня пережить,
Моё имя назвал бы и отчество,
И добавил –
Был добрый мужик...

11 июня 2012 г.

«КАЗАНСКАЯ»

Божья Матерь,
Мать Мария!
Лик печален и суров.
Ничего не говорил я.
Нет для утешенья слов.

Лишь касанье губ к иконе
Да слезливая свеча
Понемногу успокоят,
Утолят мою печаль.

На сыночка,
Не на Бога,
Пресвятая, посмотри.
Это ведь совсем недолго –
Тридцать три...

2005 г.

* * *

В путь-дорогу!
И с лёгкой руки
Упорхнул из распахнутой клетки.
В Соловки, в Соловки, в Соловки! –
Засвистел, как синица на ветке.

А на деле – такая тоска,
Что завывать впору от безнадёги.
Ничего не нашёл, что искал.
Так что не утешают итоги.

Много было путей и дорог.
Хорошо и слагалось, и пелось.
Сколько дел бы свершил...
Да не смог.
А по совести, и не хотелось.

От такой безнадёжной тоски
Я кричу всему белому свету –
В Соловки, в Соловки, в Соловки!
Но от неба не слышу ответа.

3 июля 2010 г.

СОЛОВКИ

Нам за всё воздаётся по вере.
В глубь туманных веков посмотри –
На заснеженной Гиперборее
Люди строили монастыри.

Каждый камень святой там и святой,
Щедро потом и кровью полит.
Там Зосима ходил и Савватий...
Там Российская совесть болит

По невинным, зазря убиенным.
Потому-то так тянет меня
Не идти, а ползти на коленях
К Храму по Соловецким камням.

Осмотритесь, опомнитесь, братцы.
В тишине помолитесь без слов,
Чтобы сердце в потоке вибраций
Поднималось под свод куполов.

Купола отражают, как зеркало,
Соловецких монахов святых,
Как они с убиенными зеками
В райских кущах сажают цветы

Да сплетают венки поминальные.
И на землю всем нам, кому жить,
Их бросают, как напоминание,
Чтобы мы не погрязли во лжи.

И когда ты почувствуешь жжение
От стыда на багровом лице,
Посмотри на своё отражение,
Где стоишь ты в терновом венце.

18 августа 2011 г.

КОЛОКОЛЬЧИК

Капли волн соловецких на вкус,
как слеза, солони.
От попутного ветра
играет волна и клокочет.
На замшелых камнях
крепостной монастырской стены
зацепился и вырос
бесстрашный цветок колокольчик.

Не его ли нас будит
весёлый и радостный звон
от кошмаров ночных
и застенков таинственных страхов?
И, конечно же, он
по округе звонит в унисон,
созывая к молитве святой
прихожан и монахов.

Он на камне гранитном
растёт всем стихиям назло,
в цвет бездонного неба,
такой же пронзительно синий.
Не срывают его,
ведь забвением не заросло,
что, всему вопреки,
сохранила Святая Россия.

Июнь 2012 г.

РАДУГА

Снова дождь.
Соловки заливают дождями.
Отражаются стены и башни Кремля
в тех местах, где зияли провалы и ямы.
И, как мокрая губка, пружинит земля
под ногами.
Земля,
ты впитай мою слабость.
Ты впитай мою боль и сомненья,
земля.
Сколько дней у меня беззаботных осталось?
Сколько праздников в жизни ещё у меня?
Сколько мыслей печальных терзали мне душу?
Сколько ям и провалов скрываются в ней?
Лейся, дождь соловецкий!
И праведным душем
до краев мою грешную душу залей!
Чтобы в ней отразились кресты с куполами...
И внезапно по небу, дождю вопреки,
семицветием вспыхнуло ярое пламя
от природы божественной щедрой руки!

Июнь 2012 г.

ДОРОГА К ХРАМУ

*Елене Жабинковской,
влюблённой в Соловки*

Рви, гармонист, меха своей тальянки!
Без музыки не весело совсем.
Хочу, чтоб под «Прощание славянки»
Наш поезд шёл из Петербурга в Кемь.

А там по Беломорью, слава Богу,
Не так и далеко до Соловков.
Туда не ходит пароход «Глеб Бокий»*,
Туда идёт «Василий Косяков».

На палубе толпясь, как в бочке сельди,
Торопятся туристы все подряд
Запечатлеть себя с друзьями селфи –
Но чтоб на фоне стен монастыря.

И я туристом приезжал когда-то
В сей монастырь в далёкие года.
И в первой встрече в памятную дату
Я душу в нём оставил навсегда.

Я, много повидавший и имевший,
Уверенно и просто жил.

Но ведь –
Одно, когда ты не «осоловевший»,
Другое – если смог «осоловеть».

* Страшный пароход, этапировавший заключённых на Соловки.

Вот так который год я в брэнном теле
В обитель приезжаю.

Чуть дыша

Вхожу в соборы, церкви, даже в кельи.
И жду – когда войдёт в меня Душа.

Я верю, что она, в златом окладе,
Над образами древними паря,
Простит меня, что были мы в разладе.
И мы с ней обязательно поладим
Под колокольный звон монастыря.

Июль 2016 г.

ГОСПОДИН МОНАСТЫРЬ (Прощание с Соловками)

*Регенту Спасо-Преображенского
Соловецкого ставропигиального
монастыря иеромонаху
Афанасию (Савельеву)*

До свидания,
мой Господин Монастырь.
Ты неожиданным отъездом моим не разгневан.
Что тебе мои радости, слёзы, мечты...
И святые Зосима, Савватий и Герман
остаются, конечно, с тобой, Господин.
Ну, а я?
Твой покой я уже не нарушу.
Безусловно, живём мы не хлебом еди-
ным, спасибо, что выслушал грешную душу.

Ты ведь выстрадал свой долгожданный покой.
Сколько силы и мощи в твоих песнопеньях.
Объясни, Господин мой,
а кто я такой?
Я – осилю разлад.
Я – познаю смирение.

Чтобы совесть и мысли – честны и чисты...
И пришло вдруг до ясности невыносимой:
Господин Монастырь!
Я – такой же, как ты!
И в душе моей –
Герман, Савватий, Зосима!

И мы ждём,
когда в сердце войдёт Человек,
Чьи ступни и ладони в зияющих ранах...
Значит, правильно мой продолжается век.
И с тобой,
Господин Монастырь,
мы –
на равных!

30 июля 2014 г.

* * *

Косте

На Тамарином причале
поселенья Соловки
в Беломорье мы бросали
и рубли, и медяки.

Наши радостные лица
от священных Соловков
в Кемской волости столицу
вёз «Василий Косяков».

Где те радости-печали,
где те светлые деньки?
Блещут в море вдоль причала
поселенья Соловки...

2010 г.

ГРИГОРИЙ Р.

Под безумным ужасом прозрений,
но бессильный что-то изменить,
жил пророк в отчизне нашей брэнной,
тот, что был скандально знаменит.

Ведал старец, что должно случиться.
И про то, что будут казнены
император и императрица.
И четыре дочери-княжны.

Бледненького мальчика в матроске
он лечил в сиянии икон,
умоляя у судьбы – не трогать
хоть его путиловским штыком.

Он в душе надеялся, что явит
чудеса – всех сохранит в живых.
А его травили и стреляли.
Утопили в проруби Невы.

Широко открытыми глазами,
пальцы до костей содрав об лёд,
он смотрел, как кровью и слезами
заливает Родину народ.

Где-то далеко во мраке синем
виделась сияющая даль –
Китеж-град Заоблачной России
и Святой Великий Государь.

10 января 2009 г.

* * *

Г. А. Обуховой

Нас, пребывающих в движенье,
Прославьте пламенем костров!
Пусть режет кожу в напряженье
Элементалиями ветров.

Пусть стихии рек и речек
Разбавят светом нашу кровь.
И крыльями вырастают в плечи
Надежда, Вера и Любовь!

И, сотрясая мирозданье,
Расчертит ярою стрелой
Моё дремучее сознание
Луч света жёлто-золотой.

Так над разбуженной планетой
Предстанут двое – ты и я
В потоках музыки и света,
Где страсть и радость бытия.

Там, где возникло из мгновенья
Среди мерцающих комет
Прекрасной жизни зароженье
В круговращении планет.

Где, в солнца золочёной ризе,
Так молода и так свежа,
Бессмертным гимном вечной жизни
Звучит крылатая душа!

2011 г.

* * *

В полнолуния таинственном мраке,
когда бодрствуют сторож и вор,
собираются в поле собаки
и неспешно ведут разговор.

Как всегда, обо всём понемногу.
Нынче дни голодны, тяжелы.
Вспоминают о братьях двуногих
ненасытных, коварных и злых.

Они верят забытые байки,
как у тех первобытных костров
сберегли человека собаки,
своей верностью, дружбой, добром.

А сегодня, гонимые нами,
без породы и внешних красот,
воспалёнными смотрят глазами,
подняв морды к созвездию Псов.

Тихо катится в звёздную вечность
вой тоски и любви от Земли.
Что поделаешь...
Очеловечить
наши души они не смогли.

2004 г.

КАЛЕНДАРЬ МАЙЯ. 21.12.2012 (Триптих)

1

И разверзлись в потоке огня небеса.
И взыграл ангел скорби на флейте печали.
Иоанн Богослов всё уже описал.
Ожиданье прошло.
И свершилось начало.

Колыхалась земля, прах вставал из могил.
Опускались на землю стихийные силы.
И в бессилье своём ничего не могли
Люди сделать. И просто сходили в могилы.

И в подсветке последней кровавой зари
Опускалась под воду стремительно суша.
А над водною гладью погибшей Земли
Неприкаянно плыли безумные души.

2

Огонь и дым закрыли шторой небо.
Но дым развеет ветер, а огонь
Погаснет. И откроется планета
Невинной и божественно нагой.

И прорастут берёзы, сосны, ели.
Вновь жизнь на берег вынесет волна.
Под кистью Алессандро Боттичелли
Опять проснётся рыжая Весна.

И снова быль смешается и небыль,
Так было, есть и будет так всегда.
А то, что дым с огнём закрыли небо,
Так это ненадолго, Господа.

3

Холодна рыбьих глаз пустота.
Не волнуют их дивные виды
Пирамид и дворцов –
красота
Уходящей во мрак Атлантиды.

В глубине обрывается путь.
Спят атлантов могучие стражи.
И склонились их главы на грудь,
Как у братьев вдоль стен Эрмитажа.

Что пророчит им водная даль?
Сновиденья приходят какие?
И на каменный их календарь
Сверху падают звёзды морские.

Но грядущее предрешено.
День восстанья на камне отмечен –
Из глубин поднимается дно,
И опять, как когда-то давно,
Небо ляжет на крепкие плечи.

25 декабря 2012 г.

ВАЛЬС

В ритме вальса кружат стихииали.
По спирали вращается вьюга.
Кали-юга идёт, юга-кали,
Раз-два-три! Раз-два-три! Кали-юга!

Смертный страх. И опять обновление!
И планеты и звёзды по кругу.
Всё пройдёт – и тоска, и лишения.
Лишь пойми эту белую вьюгу.

Стань частицей пронзительной ветра,
Лепестком безмятежного снега.
И звезды угасающим светом
Упади с почерневшего неба.

Вот уже на губах снег не тает.
Привыкай – умирай – возрождайся...
А душа в небеса улетает.
Раз-два-три!

Раз-два-три!

В ритме вальса.

2011 г.

ЖЁЛТЫЙ АНГЕЛ*

Тягучий день в тени оливы,
Уходит в Небо путь земной.
И я спокойный и счастливый.
И жёлтый ангел надо мной.

И что с того, что мир не вечен,
С того, что в нём не вечен я?
Я выше – я Восчеловечен
Предвечным Духом Бытия!

И, уходя в миры другие,
Я брошу равнодушный взгляд
На серый памятник могильный,
Где жизнь –
лишь прочерк между дат.

2005 г.

* В соавторстве с А. А. Бухтояровым.

* * *

Галине Алексеевне

В потаённой долине
огромные белые камни
словно кресла стояли
вдали от разгульных ветров.
Говорили эвены,
что любят сюда великаны
приходить отдыхать
из иных параллельных миров.

И однажды решился
прийти я туда утром рано
в час, когда алой кистью
вулканов коснулась заря.
В тишине словно свечи
в хрустальных росинках сараны
зажигались вокруг
великанского их алтаря.

Сколько лет уж прошло,
ту долину я помню поныне.
И недавно проездом
я был в тех далёких местах.
Не живут там эвены,
а белых камней нет в помине.
И не слышал никто
об иных параллельных мирах...

6 января 2012 г.

* * *

Я над бухтой стою на закате
с нараспашку открытой душой.
И такое на душу мне катит,
что, в натуре,
хоть падай, хоть стой.

Не дано человеческой породе
за возможного грани зайти.
Но, себя ощущая в природе,
ты природу в себе ощути.

Пусть из пальцев разжатых синица
через горы летит и моря,
к океана и неба границе,
обретая полёт журавля...

2016 г.

* * *

За рекою туман и дожди,
И ещё полоса листопада.
Ты меня у калитки не жди.
Пусть тоску навевают дожди.
Вероятно, так надо.

Повстречались на миг две судьбы,
Полыхнуло огнём до ожога.
– Где ж ты раньше, негаданный, был? –
Я твой шепот ещё не забыл.
Вероятно, надолго.

Пусть останется лёгкая грусть.
И когда-нибудь явственно очень
Твои волосы, руки и грудь
Мне приснятся.
И ты не забудь
Меня, щедрая женщина-осень.

1979 г.

КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Непредсказуем этот средний возраст.
Расплачиваюсь за свои грехи,
по холоду бреду под звёздным сводом.
Я так давно не сочинял стихи.
И оправдание тому есть –
кризис.
Но как страшна
и как желанна близость,
что между нами сбудется едва ль.
И не апрель в природе,
но январь.

Я думаю, что я переболею,
перестрадаю и перетерплю.
И, чтобы не обидеть Вас, не смею
признаться вслух о том, что Вас люблю.
И пусть опять проходите Вы мимо,
не сознавая, как Вы мной любимы...
Увы, в подлунном мире всё старо –
седеет борода, так бес в ребро...

1999 г.

* * *

Ю. Л.

Как тягостна зима и короток апрель.
Я верю, в этот год нас солнце не покинет,
Не подтверждаются прогнозы на метель,
И жарко на лыжне от плавок и бикини.

Конечно, оголять себя до неглиже
В заснеженных полях рискованно пока нам.
Но почему весной так хочется душе
Здрав штаны, бежать за лыжницей к вулканам?

*16 апреля 2007 г.
Лыжная база «Лесная»*

* * *

Ты мне приснилась вновь. Который раз.
В таком же виде, как приснилась днями.
Я знаю, что я был тогда неправ.
Но разве это что-нибудь меняет?

Уж столько лет прошло с тех самых пор,
И время напрочь залечило память.
Я вымел сор всех наших встреч и ссор.
Но разве этим что-нибудь исправить?

Вот так с тобою вместе мы живём
Во снах, не помирившись и не ссорясь.
И если мне легко и просто днём –
То в ночь приходишь ты...
А может, совесть?..

1999 г.

* * *

*Памяти пианистки
Наталии Фёдоровны Павловой*

Пусть по клавишам белым
печалью звучит ля-минор
светлой грустью разлук.
Без Наталии первая осень.
Где-то там, в небесах,
в руку палочку взял дирижёр
и ветра на крещендо
небесные тучи уносят.

Что им, тучам небесным,
тоска, и разлука, и боль...
Говорят – лёгкой дымкой
парят над землёй наши души.
Как хочу я, Наташа,
увидеться снова с тобой,
но, увы, мирозданья законы
никак не нарушить.

От сгоревшей свечи
оторвался тончайший дымок.
Серебристою нитью
под храмовым куполом канул.
Подскажите, друзья,
где он, жизни минувшей итог? –
Может в звёздочке той,
что мигает над хмурым вулканом?

ПЕРВОЕ ПИАНИНО

Посвящается Т. К.

«Господа, за качество ручаюсь!
Но каков для пианино риск,
чтоб его – по морю, на Камчатку...» –
возмущался Фридрих Дидерихс,

петербургский фортепианный мастер,
тронув бережно слоновью кость
клавиш, словно ласковая мать
гладит деток доброю рукой.

И ещё добавил, вскинув брови:
«Вот, дарю вам нотный фолиант –
сочинитель Людвиг ван Бетховен,
самый необузданный талант!»

...Исступлённо завывали ветры.
Океан безумен был и лют.
Из Санкт-Петербурга в кругосветке
на Камчатку шёл «Камчатка» шлюп.

Вдоль пронзительных шестидесятых,
сквозь ревуший гром сороковых
Людвига Бетховена сонаты
реяли в широтах штормовых!

Чтобы *forte* – струны инструмента!
Чтобы в клочья – шлюпа такелаж!
В унисон звучали над планетой
пианино, шлюп и экипаж!

От морей не жди на возраст скидки.
Отстояли вахты, как один,
мичманы Матюшкин, Врангель, Литке,
капитан Василий Головнин.

В бухту к берегам Камчатки дикой
шлюп «Камчатка» подошёл весной.
И начальник Пётр Иваныч Рикорд*
их встречал с красавицей женой.

Грелись нерпы на отдельных льдинах,
с любопытством глядя, как вдали
с корабля на берег пианино
осторожно моряки несли.

Помнят эти сопки изначально,
помнит эта бухта до сих пор,
как звучал в истории Камчатки,
торжествуя, первый до-мажор!

Лунной ночью слушали солдаты,
спрятавшись за высохший бурьян,
грустную щемящую сонату
госпожи на «чудо-фуртупьян».

За окошком океан великий
омывал великую страну.
Мичманы Матюшкин, Врангель, Литке
подошли к раскрытому окну.

* Пётр Иванович Рикорд – в 1818 г. капитан 1 ранга, начальник Камчатской области.

Будущие наши адмиралы
безоглядно всматривались в даль.
О любви и нежности играла
женщина заморскую печаль –

Людвига Бетховена сонату...
И назло всем бурям и штормам
их звала неведомо куда-то
лунная дорога по волнам...

31 мая 2020 г.

* * *

Татьяне

Появление моё в этой жизни –
Это лишь повторенье тебя
На планете.
А как бы мы жили
Друг без друга, совсем не любя?

Мы как должное всё принимаем.
Боль и радость –
Нам всё по нутру.
Мы друг друга в себе обновляем,
Чтоб назавтра воскреснуть к утру.

И когда, поутру просыпаясь,
Осторожно касаюсь тебя,
Я порою и сам сомневаюсь –
Это ты
Или всё-таки я?..

23 июня 2016 г.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

До свидания, мой пожилой и почтенный пиит!
Ты, надеюсь, пока ещё
 чудное помнишь мгновенье?
Опиши амфибрахием – что в тебе нынче свербит.
И добавь ещё ямбом об артериальном давленьи.

Сколько было стихов и воспето волнующих тем
На пирах поэтических
 среди гениальных и разных, –
Но ушедших друзей, что сияют для нас в высоте.
Не доживших до пенсий
 и не испытавших маразмов.

Неужели ты хочешь заставить
 нормальных людей
Тратить время, читая нелепые четверостишья?
Шёл бы ты...
 погулять под верлибры безлюдных аллей,
Вороша под ногами свои пожелтевшие листья...

2015 г.

СКАЗ О БЕЗЫМЯННОМ ПРОЛИВЕ

*Василию Матонину –
соловецкому поэту и мореходу,
прошедшему по Севморпути
и ступившему на чукотский берег
с коча «Апостол Андрей»*

Вот закончился мой
в Соловецкой обители срок.
Впрочем, всё в этом мире
должно ведь когда-то кончаться.
С Соловецкого острова
еду на Дальний Восток.
Ну, а если конкретнее, –
на полуостров Камчатка.

А когда-то давно
в моей келье жил странный монах.
Невысокий, застенчивый,
немногословный и тихий.
И любил фантазировать он
о далёких морях.
И привиделся путь ему
из Ледовитого в Тихий.

Так бы жил не тужил
он в потоке монашеских дел,
если б в кладке стены
не увидел случайно лазейку.
Помолился в ночи
путеводной Полярной звезде

и к ватаге Семёна Дежнёва
пристал в Мангазее.

Кочи шли на восток.
Их в пути засыпали снега.
И вмерзали во льды.
И дожди непрерывные лили.
Это всё не беда.
А беда – это, братья, цинга.
Только даже цинга
не мешала мечтать о проливе.

И, конечно, успел
нацарапать корявым ногтём
наш монах на доске тот пролив
перед тем, как скончаться, –
как доселе неведомым
для мореходов путём
можно из Ледовитого в Тихий
прийти, на Камчатку.

Вот и сказу конец.
Душу грешную ту отмолив
и проливом пройдя,
люди с кочей ступили на берег...
Лишь спустя много лет
был повторно открыт тот пролив.

Но проливу сему имя дал
командор Витус Беринг.

*13 апреля 2015 г.
поселение Соловецкое*

БАЛЛАДА О МОСТОВОЙ ОПОРЕ

1

Я брёл с теодолитом и треногой накатанною
бамовской дорогой. Для мостовой опоры котлован
разметил. Сапоги натёрли ноги, но до балка идти
уже немного осталось.

Как чарующий обман, в башке звучала
песня, что багульник цветёт на здешних сопках...
Богохульник, я брёл, багульник с сопкой матеря,
и БАМ, и наш мостоотряд, огульно. В сомнениях
теряясь: «А могу ль я здесь молодость губить до
декабря?».

Не гнус, мне душу жрал тоскливый вирус.
Полгода не писала письма Ира, о чём осталось
только сожалеть...

Вдруг за спиной затормозил «Магирус» и
из кабины выглянул в мундире Серёжка друг,
стройбатовский старлей.

Собой и службой воинской довольный,
Серёга закричал: «Володя, вольно! Прошу сегодня
к ужину ко мне после отбоя, когда лягут воины.
Я ездил по делам в посёлок Хвойный».
И показал бутылку каберне.

2

*После отбоя,
когда засыпают солдаты
в тесных палатках,
сидим мы с Серёгой в балке.*

Под переборы гитары,
немножко поддаты,
каждый с мечтами о чём-то
в своём далеке.

А у Серёги невеста
живёт в Ленинграде.
Судя по письмам её,
я сказал бы, свята.
«Ну, Вольдемар,
офицерскую душу порадуй.
Спой
“В ресторане по стенкам висят
тут и там...”»

Я захрипел под Высоцкого.
Скрипнули двери.
Струны гитары
рванул в суете невтопад.
Кто бы поверил,
что ночью приедет проверить
роту Сергея
майор Лукоянов, комбат.

Вечер испорчен,
пусть громы и молнии грянут.
Но, с табуретки
бутылку убрав каберне,
грозный майор Лукоянов,
отечески глянув,
тихо промолвил:
«Поёшь хорошо о войне...»

Сердце майора тоскует
под орденской планкой.
Шрам на лице
да морщин тороватый узор...
Жизнь проживает в разъездах,
без воли гражданской.
«Вы воевали, конечно,
товарищ майор?»

3

Летним днём на Воронежском фронте,
вдалеке от рокады и трасс,
инженерно-сапёрная рота
получила секретный приказ.

Под расстрелом приказ не нарушить.
Нужен мост, чтоб на том берегу
в шесть утра появились «Катюши»
и ударили в тыл по врагу.

Прекратить возраженья и ропот!
И всю ночь, не нарушив Устав,
деревянными «бабами» рота
в дно реки била сваи моста.

По опорам ложились пролёты.
И в трясине по шею и грудь
гать стелили бойцы по болоту,
чтоб надёжным и верным был путь.

Не положено нам сомневаться –
есть штрафбат или пулю в висок.
И «Катюши» уже в пять пятнадцать
по мосту
колеёй из досок
на плацдарм шли колонною споро
поддержать в наступленье войска.
Лишь одна мостовая опора
от нагрузки качнулась слегка.

Под опоры шагнули солдаты.
Все.
Уставшие вусмерть без сна.
В сваи лиственниц накрепко вжаты,
нерушимые, словно стена.

Закрепились надёжно пролёты
на натужных солдатских плечах.
И летели вперёд самолёты,
танки шли, дизелями рыча...

Шли на битву с врагом окаянным,
в бой с фашистской проклятой ордой!
И стоял в той стене Лукоянов
не майор, а тогда рядовой.

Их давила война всем напором,
но в расчёты их принял Генштаб.
В мире не было крепче опоры.
не имелось надёжней моста.

4

Жизнь разглядев в эпоэре сопромата, ночной
дорогой шёл я из стройбата под россыпью таёжных
спелых звёзд. И предстояло мне не по зарплате,
по комсомольской совести, ребята, осуществлять
с утра мой первый мост.

Он будет словно первое свиданье. За гранью
сил и разума за гранью. А жизни цель понятна
и проста.

Там, в звёздах, где иные мироздания, в меч-
тах, потомкам нашим в назиданье, росли опоры
Крымского моста...

*1978 г. – 9 ноября 2019 г.
пос. Зейск – г. Петропавловск-Камчатский*

ВИТЯ

1

В деревеньке, в землях отдалённых,
там, где речка Быстрая течёт,
на отшибе жил в годах преклонных
Витя, деревенский дурачок.

Говорили, с детства был немой он.
Что-то сам себе под нос мычал.
Чистил снег он по дворам зимою,
летом дикоросы собирал.

И никто в деревне уж не помнил,
что казнили много лет назад
Витиных родителей в исподнем,
На груди с табличкой «Партизан!».

Дуракам закон у нас не писан,
жизнью был доволен он вполне...
Как-то раз приехали артисты
фильм снимать в деревне о войне.

Русская забытая деревня,
впавшая в тяжёлый вязкий сон.
Не согнали сна оцепененья
даже Гитлер и Наполеон...

2

Вышли в форме вермахта актёры
на площадку. И герой актёр
под кинохлопушку режиссёра
по команде: «Тишина. Мотор!»

в партизана перевоплотился.
Он под лай натасканных собак
по наполью к лесу устремился.
Там стояла Витина изба.

Шли за ним фашисты длинной цепью
по следам, из шмайссеров паля.
Но, когда он поравнялся с дверью,
что-то перепуталось в ролях!

Незнакомый дед вдруг отпер двери,
выскочил и побежал двором,
вероятно, с режиссёром сверив,
то, что называется – экспромт.

Он сконфузившегося артиста
потацил за руку за собой,
словно молчаливого статиста,
на чердак стремянкой приставной.

Дед извлёк мешок на сеновале.
У окошка лёг, прижав к щеке
то, чем в партизанах воевал он –
пионером рано возмужалым, –
свой трофейный пулемёт «МГ».

Боевыми, изрыгая пламя,
с памятью в неистовом бою,
возвращался он к отцу и к маме
в юность партизанскую свою.

Все кричали. Лаяли собаки.
Рушились, треща, стволы берёз...
Говорят, что на киновояках
были брюки мокрыми насквозь.

Он за всё спросил с проклятых немцев.
Но внезапно, обессилев, сник...
Позже скажут – ишемия сердца.
Так унёс свою войну старик...

3

Кроме Вити, все остались живы.
Раненых отправили в район.
Стали добровольные дружины
охранять порядок и закон.

Мир над головою в небе чистом.
Но шептались люди по стране,
что в одной деревне террористы
расстреляли всех киноартистов.

Вот такая правда о войне...

15–17 ноября 2019 г.

Храм успения Пресвятой Богородицы

1

ДОРОГА К ХРАМУ

...Освоение и духовное просвещение Камчатки и Северной Америки неразрывно связано и во многом обусловлено деятельностью русских православных служителей и мирян. Своеобразной «колыбелью православия» в этом районе стал Нижнекамчатский храм Пресвятой Богородицы, освящённый в 1741 г. и восстановленный в августе 1993 г.

Протоиерей И. Кобелев.
IV Международные Исторические
и Свято-Иннокентьевские чтения. 2006 г.

Зачем себя иллюзиями тешить?
Живи и не тужи – здесь и сейчас.
Маршрут обычный.
И пейзажи те же
Вдоль трассы Петропавловск – Усть-Камчатск.

Поди узнай, где вымысел, где правда.
Туманом скрыты прошлые года.
По трассе, как по жизни, мчится «Прадо»,
Наматывая мили на кардан,

По колее разбитой и по лужам,
То в речках увязая, то в песке...
Дорожников балок нас ждёт и ужин
На берегу на Радуге реке.

Земля обетованная.
Забытый
Там храм Успения стоит, как встарь.
И Радуга, и речка Озерки там
Бегут, как прежде, в воды Уйкоаль*.

И мы по заболоченным участкам
Вдоль Радуги пойдём, и встретят нас
Места, где был острог Нижнекамчатский, –
Но в прошлые года, увы, ГЛОНАСС

Не приведёт, –
Пойдём по бездорожью
Сквозь шеломайник** во весь рост.
При том,
Нам будет и заветней, и дороже
Тревожная тяжёлая дорога,
В сей Богородицы Пречистой дом.

Дорога к Храму – это вам не скатерть.
Я помню, как по ладожским штормам

* Уйкоаль – река Камчатка, крупнейшая река полуострова Камчатка.

** Шеломайник (лабазник камчатский) – многолетнее высокорослое травянистое растение высотой до трёх метров. Заросли шеломайника скрывают всадника на лошади.

Под пение акафистов наш катер
Из Приозерска шёл на Валаам.

Там, на причале монастырском, позже
Встречающие обнимали нас,
А мы в ответ шептали только: «Боже!
Благодарим Тебя, что Ты нас спас!».

В беседе как-то приводил мне факты
Дорожник Юра из «Устоя-М»*:
Мол, будут автотрассы все в асфальте
И сеть дорог объединит затем

Камчатку и Чукотку. И – без тряски
да без колдобин – трогай, в добрый путь!
Чтоб на американскую Аляску
Через пролив, прищуриль глаз, взглянуть...

«Мечтатель! – возразил тогда я Юре. –
Ты автотрассы строишь хорошо.
Пускай американская де-юре,
Но ведь Аляска – русская душой!

Они с Камчаткой и сейчас едины –
Они едины до сих пор в мечтах.
Грустящим о свидании, родимым,
Сны снятся о тоннелях и мостах.

* ООО «Устой-М» – подрядная организация, осуществляющая строительство дорог в Камчатском крае.

А по твоим асфальтовым дорогам
Когда-нибудь наведаюсь я в храм,
С толпой туристов встану на пороге,
Экскурсовода выслушаю. Там

Куплю магнит – с Успенским храмом фото.
Не протолкнувшись к алтарю, увы,
Я на столетних брёвнах возле входа
Прочту «Здесь был Василий из Москвы».

А вдоль дорог – помойки да потёмки,
Печальный для экологов урок.
Чтоб сохранить Камчатку для потомков,
По мне бы – лучше б не было дорог.

Не будет ни узбеков, ни киргизов,
Что приезжают мусор убирать,
Чтоб заработать с визой и без визы, –
Временщикам Камчатку не понять.

Да, всех она оденет и накормит.
Но, как бы ни был заработку рад,
Ты ей дари добро...
Она запомнит.
И одарит
 своим
 добром
 стократ!»

ПОСЛЕДНИЙ ЗАМЫСЕЛ

Первая река, впадающая
в Камчатку (следуя по устью
верх): Ратуга (по-камчатски
Орат); на ней построен острог...

А. С. Пушкин.
Материалы для заметок о книге
С. П. Крашенинникова
«Описание земли Камчатки».
20 января 1837 г.

«В стране гористой, влажной и печальной
По восемь месяцев земля в снегах...» –
История Поэта о Камчатке
Осталась на столе в черновиках...

История – не атаманов сказы.
Её страницы не всегда почёт.
Она не создаётся по указу.
Был Пётр,
Но был ещё и Пугачёв.

Из вставших на Сенатской
Знал он многих –
Те старые лицейские друзья,
Что обжили байкальские остроги,
Холодные якутские края.

В российские неведомые дали,
Сердцами и свободой горя,
Шли лучшие сыны под звон кандалный,
Российскую историю творя.

И там, на Чёрной речке, не случайным
Был выстрел, отозвавшийся в веках.
История Поэта о Камчатке
Осталась на столе в черновиках...

3

КАЗАК ИВАН ПОСТНИК

...Нижекамчатскую церковь
на реке Радуга строил Иван Постник...

М. И. Угрин. «Сбережём памятник».
Газета «Камчатская правда», 1983 г.

«К Лику Богородицы губами
Прикоснись.
И, может быть, поймёшь –
Пусть ты тоже Постник,
Хоть не Барма*, –
Но по силам ношу ли берёшь?
Чем ты заслужил такую милость –
Богородице Пречистой дом
Строить, так, чтоб сердце колотилось
В лиственницы острым топором?»

* Барма Постник – «сын Постникова, по реку Барма» (XVI в.), русский зодчий, строитель Покровского храма (храма Василия Блаженного).

Тишина над лесом. Вечер поздний.
Полузабытьё, а может сон...
Знает цену делу Ванька Постник.
Ну, а кто же сможет,
Как не он!

Помнишь, большевецкие матросы
С командором через перевал
Перешли на Уйкоале стоять
Бот отменный.

Командор искал
Путь в Америку.
Тогда в остроге
Всю весну стучали топоры.
Со товарищами бот построив,
Плотником стал Ванька с той поры.

Людам воздаёт Господь по вере.
Бот назвали «Святый Гавриил».
Командор суровый Витус Беринг
Шибко Ваньку-плотника хвалил.
Ведь в работе,
Хоть в жару, хоть в стужу,
Ежедневно, всюду и всегда,
Мы невольно посвящаем души
Результатам своего труда.

«Ты, мой бот, от кия до оснастки –
С командором шёл в тот самый год*.

* Первая Камчатская экспедиция 1725–1730 гг.

Ты привёл нас к берегам Аляски,
“Святой Гавриил”, красавец-бот!
Дай, Господь, мне Храм построить силы!
Чтоб стоял он многие года
В память тех, кого шторма носили,
Кто плутал в туманах и во льдах.

Кто стерпел разлуку и лишенья.
Кто в пучине вод обрёл покой.
Ведь Успенье – это Воскрешенье
В небесах!
И в памяти людской...»

Постигая время,
Словно построил
Принимая от седых веков,
С нами Ванька Плотник, Барма Постник
Замерли безмолвно у икон.

Купола с крестами!
Годы мчатся...
Мы приходим в радости, в тоске ль
В храм Успения в тайге камчатской.
В храм Покровский «что на Рву» в Москве.
Не бывает
 поздно или рано –
Вовремя – с пылающей свечой!

Тех, кто строил корабли и храмы,
Господи, помилуй православных!
Души их вовеки упокой!

СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ (ВЕНИАМИНОВ)

Дайте знать, чтобы при погребении моём
речей не было; в них много похвал.
А проповедь по мне скажите: она
может иметь назидание; и вот вам текст
для неё: «От Господа стопы
исправляются» (Пс. 36:23).

Святитель Иннокентий. 1879 г.

Епископ Иннокентий одним из первых
в России подчеркнул значение
Нижекамчатской церкви Успения
Богородицы в истории русского
православия на Дальнем Востоке
Российской империи и Русской Америки.

**С. Вахрин. «Покорители Великого
Океана». 1993 г.**

Великая Суббота...
Завтра Пасха...
Земные подытожены дела.
Немало было случаев опасных.
И беспокойной жизнь его была...

Не на осле по Иерусалиму –
Святитель с обмороженным лицом

С остолом* на собаках мчится мимо
Отрогов гор с валдайским бубенцом.

– «Гхах!», «Гхуб!» –

По насту нарты шибче мчатся.

Ну вот и тундра.

Наконец-то – «Хна!!!»**.

Идёт Святитель по Нижнекамчатску

В заветный храм Успения...

Весна.

Вот-вот распустятся пушинки вербы.

Сияет солнце.

Что ни говори,

Никак нельзя без православной веры

Жить на Камчатке.

Сколько здесь любви!

Идёт святитель дальше

В длинной парке

На Уналашку, в свой забытый дом,

На бате***, боте, шлюпе, на байдарке,

С любовью к людям,

с книгой

и с крестом.

* Остол – палка для управления нартами.

** Гхах, гхуб, хна! – команды: направо, налево, стой.

*** Бат – безключинная гребная лодка камчадалов, выдолбленная из тополя, управляемая шестом.

Вы, Уналашка, и Кадьяк, и Ситка,
Малоизвестный островок любой,
Тинклиты, алеуты... Все – простите,
Что вашу он не защитил любовь!

Аляске вместе не бывать с Россией.
Что тут поделывать? Спорь или не спорь,
Но есть дела, которые не в силах
Мы изменить. Уж так решил Господь.

Господь в пути стопы нам исправляет.
Он ведает о каждом. Посему,
Где человек ещё предполагает,
Господь уже давно располагает.
Лишь надобно прислушаться к Нему.

Пора...

Наденьте чистую рубашку.

Святитель Иннокентий вновь идёт –

Там, где Успенский храм в весенних красках,

Там, где уже давно на Уналашке

Его осиротевший ждёт приход.

Не надо на прощанье слов напрасных.

Жизнь как одно мгновение прошла.

Суббота миновала.

Вот и Пасха!

Закончены земные все дела...

ВИТОЛЬД АДОЛЬФОВИЧ ПОПКО*

Более десяти лет учащиеся Усть-Камчатской средней школы № 3 ухаживают за его могилой. 24 июня к могиле В. А. Попко была организована экскурсия, в которой приняли участие более 80 ребят из пришкольного пионерского лагеря средней школы № 3...

«Никто не забыт».
Газета «Ленинский путь». 1983 г.

Давно в Нижнекамчатске не видали
Полковника, что выше всех похвал –
С Крестами Грюнвальда, Виртути Милитари,
И чтоб звенели при ходьбе медали,
Чтоб без одной минуты генерал.

Он брал Берлин и Прагу с Войском Польским.
Он мог бы в Кракове служить сейчас.
Но отказался. И служить был послан,
Куда уж дальше, аж в Нижнекамчатск.

Жена Мария поначалу сникла,
Но, как обычно, улыбнулся он:

* Командир воинской части № 47127. Бывший командир 28-го пехотного полка 9-й Польской дивизии 2-й Польской армии. В начале 1945 г., приняв на себя командование дивизией, вывел её из окружения.

«Где быть иголке, Маша, там и нитке.
Поедем возводить укрепрайон».

Все ждали, что война придёт с Аляски,
Но не создал Курчатов «Кузьки мать»*.
Придётся снова поменять на каску
Свою с кокардой форменной фуражку
И вновь полки в атаку поднимать.

В сырой землянке тусклый свет коптилки.
Как спирт, забота голову кружит.
О притолок ударившись затылком,
Вошёл в землянку бравый замполит.

«Полковник, скоро ждите новоселье.
Я старый храм осматривал с бойцом.
Мы разберём его, и наши семьи
Уедут из землянок в тёплый дом.
Поставим двери, в окна вставим стёкла.
За сутки храм растащим по бревну».

«Я, лейтенант, ни одного костёла
И ни одной церквушки за войну
Не смел коснуться этими руками.
Мы – атеисты, р-р-растакую мать!
Но эта церковь строена не нами –
Не нам её по брёвнам разбирать!
Ты извини, что говорю я жёстко,
Но ты пойми, товарищ замполит,

* «Кузькина мать» – так Н.С.Хрущёв называл водородную бомбу.

Что Божья Мать, она же Матка Боска,
Хранила в окруженье Войско Польско!
И нас ещё, быть может, сохранит...»

Ах, времечко, – давно ли это было.
Укрепрайоны поросли травой...

И под звездой полковника могила
Стоит у храма, словно часовой.

6

ВОСКРЕШЕНЬЕ

В 1993 г. на Камчатке по решению
правительства России отмечалось
250-летие начала промыслового
освоения россиянами Русской Америки.
Человек без исторических своих корней
и памяти – временщик не только
в собственной своей жизни на полуострове,
но и в истории Отечества.

С. Вахрин. «Встречь солнцу». 1993 г.

«В безлюдье, диву дивному подобно,
Стоит заброшенный Успенский храм.
Он не горел, по брёвнам не разобран.
Он словно предками завещан нам.

И мы распорядиться храмом вправе.
Товарищи, задумайтесь о том,

Ведь на Аляске восемьдесят храмов!
На всю Камчатку – лишь молельный дом...

Решайте, как – за совесть ли, за страх ли,
Но дело чести – храм восстановить...» –
Волнуясь, говорил Серёжа Вахрин,
Райисполком пытаюсь убедить.

И убедил.
За годы атеизма
Возник психологический изъян –
Мы разочаровались в коммунизме.
И все произошли от обезьян.

Но на круги своя нас возвращает
Судьба.
И православной вере дань
Мы отдаём.
И яйца освящаем,
А в январе ныряем в иордань.

Вздохнёт душа однажды легче праны*,
И ты поймёшь, что всё не просто так.
И испытаешь то, что в этом храме
Испытывал два с лишним века ране
Крещённый первым алеут Темнак.

Закончил плотник трудовую вахту,
Кресты над кровлей Храма закрепил.
Раскольник старовер Серёжа Вахрин

* Прана (санскрит) – ветер, энергия дыхания.

Вздохнул
и грудь тайком перекрестил.
А в православном мире храм старинный
Успения
заполнил пустоту.
Храм освящал священник с Украины
И алеут – дьяк с острова Атту.

Былых столетий истовая сила
Вернулась в край родной издалека.
Над россиянами взмахнул кропилом
Потомок алеута Темнака.

Из Радуги-реки взметнулись воды
И засияли праздничной дугой
Промеж Новоархангельска* и Львова,
Над гладью Уйкоаля и тайгой.

7

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Ангели, Успение Пречистыя видевше,
удивишася: како Дева восходит от земли
на Небо. Побеждаются естества уставы,
в Тебе, Дево Чистая: девствует бо Рождество,
и живот предобручает смерть:
по Рождестве Дева, и по смерти жива,
спасаеши присно, Богородице, наследие Твое.

Задостойник. Успения глас 1

* Новоархангельск – столица Русской Америки, ныне Ситка.

Как тихо, и как дышится легко...
В природе лунным светом всё залито.
Там, под луною, гуси высоко.
И к небесам возносится молитва.

Вот он каков, Успенский этот храм!
Мне кажется, что он всё понимает.
Ему со мной не спится до утра,
И он молитве в тишине внимает.

А там, на Ситке, тоже храм стоит
Архангела Святого Михаила.
И он ночами лунными не спит...
А в Берингов пролив от Сахалина

Плывут в ночи огромные киты.
Медведи ловят рыбу где-то рядом.
Земля моя, я думаю, что ты
Зверью и людям на планете рада.

Когда свята природа и чиста,
Вглядись в неё и тишину послушай.
Воистину, спасает красота
Китов, людей, медведей, наши души...

А где-то далеко и высоко
Нас созерцают светлые, благие
Святитель Иннокентий, и Попко,
Казак Иван, и Пушкин, и другие...

Мы потребляем в вечной суете
Плоды цивилизации с опаской.

Как чудо в первозданной красоте –
Камчатка наша вместе с их Аляской.

Империи потомкам очень жаль,
Что разлучили берега когда-то,
Что стали берега принадлежать
России и Соединённым Штатам.

Мой полуостров как форпост страны
Был многим недоступен по закону.
Пусть не было бетонной здесь стены,
Но невозможно въехать в погранзону.

Не вешали на двери здесь замков.
В посёлках все работали и жили.
Людское состраданье и любовь
Камчатку и Аляску сохранили.

Два берега великих государств
Порой то дальше кажутся, то ближе.
Мы помним те суровые года –
С Аляски корабли шли по ленд-лизу,

Из Фэрбенкса шли в небе голубом,
АЛСИБом по маршрутам незнакомым,
Наш военлёт и American boy
К затерянному в тайге аэродрому.

Поэтому я верю в день, когда
Враждебности исчезнут расстоянья.
Объединит молитва берега
Великих государств во покаянье.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Встречь солнцу шлюпы шли к другому берегу.
Люд русский для далёких поколений
Осваивал Российскую Америку,
Отстраивая церкви и селенья.

И руки их мозолистые, грубые,
Земле дарили семена и ласку.
Цари, понятно, раньше были глупые –
Продали Калифорнию с Аляской.

Бескрайняя Российская империя.
Одна шестая суши, не хотите ль...
Кто не дошёл
И те, кто были первыми, –
Поймите нас, наследников.

...Простите!
Свои не хмурьте лики, сиречь лица –
Российский Крым – отныне не утопия!

От деда
внуком
бережно
хранится

Медаль
«За оборону Севастополя».

6–30 апреля 2017 г.

Восьмой столп России

*Светлой памяти моей матушки
Аполлинарии (Полины Андреевны) Татауровой*

И рече Иисусъ: Азь в міръ сей прїидох,
да не видящіи видять, и видящіи слепи будутъ.

Евангелие от Иоанна 9:39

...Каждый из нас своими чертами характера
во многом обязан своим родителям,
воспитанию, которое мы от них получили,
а наша судьба зачастую predetermined
многовековой историей всего рода...

**В. В. Бибииков, президент
Союза Возрождения Родословных Традиций**

ПОЛУОСТРОВ КАМЧАТКА.
1720–1730 гг.

1

Спит за речкой атынум*.
Лишь в берёзах ветра шум,
Да собаки завывают.
У костра шаман камлает:

*«Лельга, оньга, эхамчи!
Ричи чичи чичичи!*

* Атынум – камчадалское селение.

*Лени нули эли ами!
Бичикако никако...»**

Путешествует шаман
По далёким временам.
*«Гушь-гушь...
Хай-хай...
Ишки-Ишки!!!»*** –
По чужим мечтам и снам.

Непонятные дела –
Тени, руки и тела...
И внезапно – лица, лица...
И опять, в который раз –
Та же девочка без глаз...
И кричат:
«Квас-ник Го-ли-цын!».

Чей-то плач и чей-то стон...
Средь Анфис, Елен, Матрон
Прячется шамана дочка.

Выстрел.

Словно в сердце – кол!
Разом стало так легко.
«Бу-же-ни-но-ва Ав-до-тья-я-я...».

* Велимир Хлебников. «Боги». 1921 г.

** С. П. Крашенинников. «Описание земли Камчатки». Часть 3, глава 12.

2

Шли для сбора ясака
Два якутских казака –
Злыдень Мишка да Иван.
Смотрят сквозь кусты:
Шаман
У костра хрипит в ночи:
«Лельга, оньга, эхамчи...».

Мишка взял ружьё Ивана.
Был шаман –
И нет шамана.

В тимусчичь* через жупан**
С факелом вошёл Иван.
В куче рухляди гнилой
Кто-то прячется живой.
Мишка – прыг.
И, как рыбёшку,
Вытащил на свет ребёнка.

«Я – палач!
Закон!
И суд!

Всех убью!
Не то убьют
Нас ватаги ительменов,
И коряков, и эвенов...
Мало нас.

* Тимусчичь – жилище камчадалов.

** Жупан – нижний вход в жилище для женщин.

Не долог срок,
Не спасёт от них острог.
Ванька, раздевай ребёнка!
Кто там? –
мальчик аль девчонка?
Мальчик – враг!
Его убьём!
Девочку с собой возьмём».

Не спеша разобрались.
От греха убереглись.
«Ну, живи тогда, зверёныш!».
Улыбается детёныш.
Ай, забавная мордашка!
Зубы словно у евражки*.

3

Вот ясачная казна
Снова доверху полна.
Будет долгою дорога:
Ламским морем переход
На «Фортуне» на Охотск
С Большерецкого острога,
На Якутск и на Тобольск.
Казаки берут с собой
Дуньку со смешной мордашкой.
Шибко девка весела
И вертлява, как юла.
Зубы, словно у евражки,
Не дают закрыть ей рот.

* Евражка – северный суслик.

Пусть потешится народ.
Будет в трудный час подругой.
Грузят в трюмы казаки
С мягкой рухлядью тюки.
Добрый путь до Петербурга!

ГОРОД САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 1740 г.

1

Оспе высочайшей не до сна.
Под утро, как обычно, очень тихо.
Императрица
Анна Иоанновна
Зовёт с калмыцким личиком шутиху.

Шутиха на лицо
Смешна и весела.
«А ну, повесели меня, Дуняшка,
На четвереньки встань!
Собачкою полай!
И мордочку сострой, что та евращка...».

Императрица
Громким смехом залилась.
В глазах шутихи прячутся смешинки –
Слабо шутам понять
Их царские дела.
«Ты, Дунька, любя мне, как... буженинка.
Быть Бужениновой тебе!
Ха-ха-ха-ха!
Ты этим прозвищем должна гордиться!

А знаешь,
Я тебе сыскала жениха.
Он – князь! Михал Лексеевич Голицын!».

2

Свадьба в Петербурге!
Шутовская свадьба!
Шут Квасник Голицын
Едет под венец
На слоне с невестой
Шутовского званья.
Едут не куда-то –
В Ледяной дворец.

В ледяных тарелках
Ледяные ложки.
Ледяные свечи,
Стулья и кровать.
Ледяные шторы
По-над брачным ложем.
...Завтра новобрачных
Будут поминать...

«Верная погибель, –
Кто-то шепчет, – жаль их!»
В ледяных хоромах.
В ледяной красе.
У дверей охрана,
Чтоб не убежали.
Свадьба в Петербурге!
Веселятся все!

3

«Моя Камчатка. Матушка моя.
Пусть тёплые придут к нам пеликены*.
Пускай они согреют эти стены.
Ведь это я – Авдотья, дочь твоя.

Земля моя в горячих родниках,
Я столько лет тобой была хранима.
Ещё никем я не была любима.
Моя любовь и жизнь в твоих руках.

Прости меня – в разлуке я с тобой.
Но я перед тобой не виновата,
Вчера любимый мой меня сосватал.
Сегодня он – мне муж. Моя любовь.

Его жалею я от всех невзгод.
Он – шут Квасник, и я – его шутиха.
Едины мы. И дышим тихо-тихо.
Лишь пар дыханья греет нос и рот.

Согрей, Камчатка, нас своим теплом.
Как сердце у меня пылает жаром.
Любимый, я плотней к тебе прижалась.
Мы будем вместе,
Всем смертям назло».

.

* Пеликены – добрые божки (идолы) народов Северо-Востока России.

Спит за речкой атынум.
Лишь в берёзах ветра шум,
Да собаки завывают.
У костра отец камлает:
*«Лельга, оньга, эхамчи!
Ричи чичи чичичи!».*

4

А поутру они проснутся вместе.
Они не знают, что Судьба исполнит
Желанье – князю возвратят поместье.
Но шутовство князь вечно будет помнить.

Поселятся покой и счастье в доме.
Не много, скажут, есть таких семей.
И вскоре Буженинова Авдотья
Голицыну родит двух сыновей.

СЕЛО СЕБИНО ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
1883–1899 гг.

1

Век пролетит.
Пройдёт ещё полвека...
И вот в семье дворян в урочный час
внебрачным чадом
с сомкнутыми веками
девочка появится.
Без глаз.

2

Уносите,
гуси-лебеди, печали.
В семью Никоновых
девочку отдали.
Да ещё в придачу
денег заплатили...
Крепко Никоновы
дочку полюбили.

3

Когда к купели дочку подносила
счастливая приёмная семья,
чуть крест не выронил отец Василий:
«Такого отродясь не видел я», –
поднялся пар душистый над купелью,
став капельками на его лице.
Как будто на огне вода вскипела.
Как пар дыханья в Ледяном дворце
над девочкой с закрытыми глазами...
Священник же, святая простота,
испуганно шептал под образами,
что девочка, воистину, свята.
И солнышка осеннего корона
сияла над ребёнка головой.
Крещаемую нарекли Матрона,
в честь греческой подвижницы святой.

4

«Мама, мама! Что, мне это снится?
Или этой ночью в самом деле
В горницу в окно влетели птицы
И со мной на небо улетели?»

И ещё со мною говорили.
И меня, без глазок, пожалели.
А потом мне крылья подарили.
Мама, это было!
В самом деле!

Чтоб летать мне лунными ночами
Над землёй от края и до края.
Посмотри на крылья за плечами».
«Спи, Матрона, доченька родная...».

5

Когда на вызов жизни нет ответа,
Когда не спишь до утренней зари,
Дарована молитва человеку,
Чтоб человек мог с Богом говорить.

Без ритуалов и без слов особых
Доверь сомненья, страхи и мечты.
Господь с тобой!
В тебе.
И это – Совесть,
Которую порой не слышишь ты.

Она-то знает, где ты лжёшь, где правда.
Она болит, как в сердце острый нож.

Однажды ты поймёшь – какая радость,
Что на земле по совести живёшь!

И, как по свежевыпавшему снегу,
Отдельною тропинкою от всех
Иди, взглянув в себя, как в сине небо,
Шепча: *«Иже еси на Небесех!»*.

6

«А я себя порой не понимаю –
Откуда этот необъятный свет?
Кому ночами в тишине внимаю?
И кто через меня даёт совет?»

С утра толпятся во дворе больные,
И отказать в приёме нет причин.
Мне людям помогать дано отныне,
Но кем дано мне право их лечить?»

Кто разбудил меня сегодня ночью,
Чтоб не в своих обычных чёрных снах,
Но я без глаз увидела воочию,
Как ярко блещут звёзды в небесах!

Я разглядела в поле за рекою
Создания безумной красоты!
Я даже к ним притронулась рукою...
На мой вопрос: «А это что такое?»
Ответили:

*«О-быч-ны-е
цве-ты...»*

КРЕПОСТЬ КРОНШТАДТ. 1899 г.

Полным-полно в Андреевском соборе
И штатских, и военных моряков.
Уходят броненосцы завтра в море
От пасмурных кронштадтских берегов.

За сотни миль в просторах океана
С родной землёй не оборвётся нить –
Сильна молитва отче Иоанна,
В походе будет моряков хранить.

Такой страной не мудрено гордиться!
Не васнецовские «Богатыри»
Оберегают внешние границы.
Но разъедают бесы изнутри
Россию.
Батюшка,
Восстань пророком!
Ты видел в откровениях беду,
Былого не усвоены уроки –
Под лихоимцев и мерзавцев ноги
Все семь столпов России упадут.

Но Иоанн Кронштадтский, как сквозь призму,
Увидел: среди бесовских пьяных толп
Вновь воздвигает к небесам Отчизну
Её восьмой
Могучий
Новый столп!
И не беда, что семь столпов упали.

Та встреча предназначена судьбой –
На Сретение
Девушка слепая
Приведена в Андреевский собор.

Он шёл с амвона девушке навстречу,
Перекрестил от головы до стоп.
И слышал каждый, кто был недалече:
«Храни,
 Господь,
 восьмой
 России
 столп!»

СЕЛО СЕБИНО ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
1900–1925 гг.

1

Весна настала.
С певчей птицей клетку
В день Благовещения приоткрой.
И птицу – в небо!
Над озябшим лесом,
Над полем,
Над подтаявшей рекой,

Чтоб птицей вольною душа взлетела
В ликующую солнечную ширь!
А тело...
Впрочем, что такое тело? –
Всего лишь оболочка для души.

И где она, та точка невозврата?
Как леденит сердечко подлый страх.
Пусть говорят, что нет пути обратно.
Но ты поверить должен в первый шаг.

Поди узнай, где ждёт нас Божья милость?
И перед тем, как сделать *этот* шаг,
Ночь напролёт Матронушка молилась...
И рано утром вышла на большак.

На перепутье с незнакомкой встречной
На фоне догорающей зари
Котомку переложат с плеч на плечи.
Поклонятся...
Безмолвно...
До земли...
Назавтра Никоновым скажет лекарь –
Их дочь не в состоянии ходить:
«Боюсь, что быть Матронушке калеккой».

...Подарено Матронушке полвека
От Господа – любить и говорить!

2

Как людям воздаёт Господь по силам,
Так и державам в трудном их пути.

Но выдюжит безумие Россия.
Дай Бог увидеть, что там впереди.

3

«Что ты теребишь перо, Матронушка?
Времечко теряешь только зря».
«Мама, обдерут, как это пёрышко,
нашу Русь и батюшку царя...»

4

Дворян сослали. Землю отобрали.
А дом Яньковых* сельсоветом стал.
Штудируют Матронушкины братья
Не Библию, а толстый «Капитал».

Год как не стало сельского прихода.
Намедни жгли иконы на костре.
Сомнительные граждане приходят
К слепой и не ходячей их сестре.

Чему их учит курица слепая?
Что шепчет ей кулацкое зверье?
Неурожай. И голод подступает.
Куда-нибудь спровадить бы её.

Брат Миша сбросил со стола иконы.
С ножом в руке Матроны супротив
Кричал, что у него сестрица – контра!
А с контрой в коммунизм не по пути.

* Яньковы – владельцы поместья с. Себино, пред-
ставители старинного дворянского рода, потомки князя
Михаила Алексеевича Голицына и княгини Евдокии Иоан-
новны Голицыной (Бужениновой).

«Что крестишься? Подумаешь – монашка!
Не нужен нам религии дурман!
А ну-ка, быстро собирай манатки...»

...И дверь за ней захлопнул брат Иван.

ГОРОД МОСКВА. 1925 г. – 2 МАЯ 1952 г.

1

Не факт, что описать для вас сумею
Достоинно этот город, что храним
Георгием Святым, разящим змея,
Российскую столицу – Третий Рим.

О нём стихов написано немало,
Подборка прозы тоже не мала.
...Я радио включаю. Там Газманов
Поёт: «Москва! Звонят колокола...»

Звонят колокола по всей округе!
Церквей и храмов – сорок сороков!
У Зинаиды Ждановой – подруги
Нашла Матрона временно свой кров.

2

И вот, уже от первых робких слухов
Пошла гулять народная молва –
Шепталась о Матрониных заслугах
Слезам не доверявшая Москва.

Ведь веровать без веры невозможно.
И на вопрос: «А кто же мне помог?»
Матрона отвечала односложно,
Перекрестив больную: «Это Бог».

И в благодарность люди, на потребу,
За помощь и содействие в беде,
Несли ей кто-то сальца, кто-то хлеба.
А кто доносы слал в НКВД.

Облавы были, слежка и наветы...
Дворами. Ночью. В дождик или снег.
Матронушку везли, как эстафету,
Тайком к надёжным людям на ночлег.

Чтоб не мешать молитвою уснувшим,
Она, бывало, ляжет на часок,
На топчане калачиком свернувшись,
Головку положив на кулачок.

3

Случались задержания нечасто.
Пришёл однажды милиционер
Матронушку сопроводить в участок,
Для пущей страсти вынув револьвер.

Пальто надели, застегнули боты.
Матрона вдруг сказала у дверей:
«Милоч, я подожду тебя, не бойся.
Беги домой. Спасай жену скорей!»

Рассказывают, что он добежал – и
Жену сам лично вынес из огня.
А если б не Матрона – на пожаре
Наверняка погибла бы она.

Шептались: написал он докладную,
На худшее решительно готов:
«Не буду арестовывать слепую!
Хоть увольняйте из своих рядов».

4

Так и жила Матронушка – без дома,
Без ноженек ходячих,
Но вольна.
Она до сорок первого задолго
Промолвила ужасное:
«Война».

А в сорок первом с болью и жестоко,
Как приговор, произнесла она:
«Когда народ теряет веру в Бога,
То гибнет беззащитная страна».

Колокола в набат!
Под перезвоны
Церквей
Над фронтом огненным в облёт
В осеннюю Казанскую
С иконой
Поднялся над столицей самолёт.

Поруганные храмы освящали!
Вплоть до Победы радостной поры
Матронушка молилась, очищая
Пруточки ивы от сухой коры.

Она на крыльях выросших летала,
Тех, что ей птицы принесли домой.
Она бойцов в атаки поднимала
И берегла их на передовой.

Ей, слабенькой, на всё хватало силы.
Каких врагов
Повергла в прах страна!
Она медаль от власти не носила,
Но от святых заступников России
По праву заслужила ордена!

ГОРОД МОСКВА. 2015 г.

Я вышел на «Таганской» рано утром. В потоке москвичей в начале дня пытался было подойти к кому-то, но никому нет дела до меня. И я неторопливо по дороге шёл наудачу несколько минут. Торговки бойко предлагали розы, что в Эквадоре солнечном растут.

Вон за оградой монастырь Покровский и очередь огромная дугой. Так я пришёл к Матронушке Московской, обретшей здесь, в монастыре, покой. Мне кажется, что я стоял недолго, хотя стоять был целый день готов.

Я ей привёз с Камчатки с чувством долга букет камчатских полевых цветов.

POST SCRIPTUM

ГОРОД ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
4 ФЕВРАЛЯ 2018 г.

Когда поэма была написана, в комнате появился аромат цветов.

На полке рядом с иконкой Святой блаженной Матроны Московской стоит неплотно прикрытая баночка с засушенным бутонем розы, который два года назад свежим мне дали в Покровском ставропигиальном женском монастыре. Он был взят из раки с мощами блаженной старицы Матроны.

Аромат исходил от засушенного бутона розы...

ГОРОД ЕЛИЗОВО КАМЧАТСКОГО КРАЯ
19 МАЯ 2018 г.

В этот день архиепископ Петропавловский и Камчатский Артемий совершил освящение закладного камня в основание храма Святой блаженной Матроны Московской.

ГОРОД МОСКВА.
ПОКРОВСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ
ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ
У ПОКРОВСКОЙ ЗАСТАВЫ
26 ИЮНЯ 2018 г.

«Все, все приходите ко мне и рассказывайте, как живой, о своих скорбях; я буду вас видеть, и слышать, и помогать вам!»

«Величаем ты, святая праведная блаженная Матроно, и чтим святую память твою, ты бо молиши о нас Христа Бога нашего».

*7 января – 26 июня 2018 г.
г. Петропавловск-Камчатский – г. Москва*

Священные рубежи

Поэтическое повествование в монологах
и лирических отступлениях

*К 160-летию победы России
на Соловецких островах
и в Петропавловск-Камчатском
порту*

I СОЛОВКИ

1 Пролог

*Большое видится на расстоянии.
И башни Соловецкого кремля –
Моей страны святое достояние –
Как Китеж-град по курсу корабля...*

*Идут года.
Неведомый град Китеж
В туманных водах Беломорья спит.
Негаснущей лампадой над Секирной*
Мерцает Свято-Вознесенский скит.*

*Вдруг, сотканный из солнечного света,
От ветра вздрогнул утренний туман.*

* Секирная гора – высота 71 м над уровнем моря, где находится маяк на куполе скита.

И, как страницы, полетели лета
В студёный Ледовитый океан.
Раздался гул
 басовый
 монотонный.
Померкло небо, как перед грозой.
И без креста взметнулась колокольня
Под арматурной ржавою звездой.

Свод неба, осенённый двоеперстием,
Вибрировал под колокольный звон.
И вспышкой света в сером поднебесье
Мелькнула аббревиатура СЛОН*.

Как на экране замелькали даты...
И вот уже Эрасмус Омманей
Ведёт «Миранду» с «Бриском» –
 два фрегата
Британии, владычицы морей.

2

Монолог капитана королевского флота Эрасмуса Омманей, командующего соединённой англо-французской эскадрой

От Индии и до полярного края
В походах «Миранда» и «Бриск»,
 устрашая
Индийцев, поморов и всякую шваль.

И в мире найдётся безумец едва ль,
Не верящий, что мы – любимцы истории.
О, Боже! Храни королеву Викторию!

Куда бы судьба ни вела меня, я не
Поклонник холодных полярных сияний.
Гораздо почётней идти в этот раз
Под Южным Крестом, где идёт Дэвид Прайс
Бомбить на востоке России фактории.
О, Боже! Храни королеву Викторию!

А здесь лишь белухи свистят да тюлени.
Мы топим карбасы, сжигаем селенья.
Сегодня отбили у наших врагов
Трофеи – барана, пять кур, двух быков,
Расширив границы своей территории.
О, Боже! Храни королеву Викторию!

На пушечном выстреле вижу обитель
Смиранных монахов.
И, как победитель,
Сейчас обращаю их постройки в пустырь.
И, чтоб не роптали, – сожгу монастырь.
Во славу Британии справлю викторию!
О, Боже! Храни королеву Викторию!

3

Монолог настоятеля Соловецкой обители архимандрита Александра

Со «Знамение» дивной иконы
Расстели, Матерь Божья, покров.

* СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения.

На земле православной исконно
Пусть не льётся невинная кровь.

Я молю тебя, Матушка, чтобы
Сохранила Ты добрых людей.
Одолей человечью злобу,
Поднебесное зло одолей!

Ведь на всех Ты одна, Пресвятая! –
И для русских, и для англичан.
Снизойди к нам, любовь обретая.
Не серчай, Госпожа, не серчай.

Ты от плача людского устала.
Усмири в нас гордыню и злость.
Что же с пушечным лезет уставом
В монастырь к нам непрошенный гость?

Нет ни совести в душах, ни Бога
Убивать и калечить людей!
Значит надо – чтоб око за око!
Только, как же тогда – не убей?

Я смотрю на Тебя со смирением.
Пресвятой Госпожи взгляд суров.

*...С чудотворной иконы «Знамение»
Пал невидимый глазу покров.*

**Монолог фейерверкера
Викентия Друшлевского**

Пушка трёхфунтового калибра,
Сколько люда от тебя погибло
От стрельцов по наши времена.
Сделанная при Иване Грозном –
Государе властном, одиозном, –
Ты всегда к баталиям годна!

Был бы порох да чугуны ядра
С фейерверкером, палящим яро, –
Лихости тебе не занимать!
Не беда, что ржава и не в блеске,
Кирпичом натрёт тебя Друшлевский
И... покажем Кузькину мы мать!

Кровь врагам мужчины не прощают,
Безнаказанностью – развращают.
И, молитвам старцев вопреки,
Навожу я пушку на «Миранду»,
На разбойников незваных банду –
За мои родные Соловки!

Я не новичок в пушкарском деле –
От борта аж щепки полетели!
Глаз прицельный, что ни говори.
Издавна не кашею и щами
Недругов в России угощают
Наши хлебосолы-пушкари!

5

Монолог инок Афанасия

Белой ночью озеро Святое
Дымкою прозрачною парит.
Всенощную на коленях стоя,
Монастырь не спит.

По граниту стен неутомимо
Бьёт прилив бессонною волной.
Где она, граница между миром
И войной?

Не по мне ли завтра справят тризну?
Грудь покрыв размашистым крестом,
Я покаюсь о греховной жизни,
Перед Господом представ. Потом

Расскажу про радости и беды,
Расскажу про то, что близко мне...
А вчера никто ещё не ведал,
Что убитым будет на войне...

Жизнь небесная не как земная –
«Аллилуйя...» – ангелы поют!
Я не чувствую, а твёрдо знаю,
Что там любят, верят в нас и ждут.

Без тревоги и без сожаленья
Я молюсь, смиренный, до утра.
И приходит, словно озаренье –
Кто я есмь.

И кем я был вчера.

Чисто и светло к подобным Богу
Завтра я приду под Отчий кров.
К райским небесам ведёт дорога
Прямо к Господу от Соловков.

6

Обстрел

Звонари – в колокола!
Чайки влёт об купола.
Ядер свист и бомбы.
Выстоять дал Бог бы!

От гранитных валунов
Ядра весом трёх пудов –
Как горох от стенки!
Аж дрожат коленки!

Пушки бьют, почём зазря.
А во двор монастыря
Вышли крестным ходом
И – молитву хором:

«Молим убо вас, о преподобнии отцы, велиции заступницы и скории услышателие молитв, угодницы Божии и чудотворцы Зосимо, Савватие и Германе, избавите ны от огня и меча, от нашествия иноплеменников и междоусобных брани, от тлетворных ветров и от внезапных смерти и от всех прилог бесовских, находящихся на ны...»

Что ж вы, братья родные мои, приуныли?
В монастырские стены
 бьют бомбы шальные.
Ядра землю на площади рвут.
Страшный суд!
И идти невозможно.
Но надо!

Осторожно монахи идут
В пасть геены разверзшейся ада.
И поют.
И хоругви несут.
Под «Знамение» дивной иконой
Страха нет.
И отчаянья нет.

Словно в светлую даль Куликова
Поля вышел монах Пересвет.
А соперник – батыр Челубей,
Беспощадный, коварный, жестокий.
Но с такими нельзя – *не убей*,
Надо насмерть – чтоб *око за око*!

В поле ратном и в поле духовном
За священную Русь умирать
С чёрной злобой, как с тучею чёрной,
Поднимается светлая рать!

За холмом трубят ангелы, славя
Жизнь отдавших за други своя.
И с дружиною инок Ослябя
Мчит на помощь, стегая коня!

И, клубясь, поднимаются силы,
Покрывая собой неба свод,
От дремучих лесов и трясины
Зыбких непроходимых болот.

В них сиянье берёзовой рощи
И осенний полёт журавлей,
И грозы нарастающий рокот,
Рёв медведей и ярость зверей.

Так на поле духовном небесном
В рукопашной священная рать
Одолела непрошенных бесов!
И бежал перепуганный тать!

И сошла тишина...
Тем не менее,
Поверх лика последним ядром
Поразило икону «Знамение»
Божьей Матери, снявшей покров,
Чтоб Божественной славы руками
Соловки и обитель покрыть.

И монахи читали акафист
На коленях
 сквозь слёзы
 навзрыд:

*«...Помози нам немощным, утоли скорбь нашу,
настави на путь праведный нас, заблуждающих,
уврачуй и спаси безнадежных, даруй нам
прочее время живота нашего в мире и тишине*

*проводити, подаждь христианскую кончину,
и на Страшном Суде Сына Твоего явися нам,
милосердная Заступница, да всегда поем,
величаем и славим Тя, яко благую Заступницу
рода христианского, со всеми угодившими Богу.
Аминь».*

7

**Размышления капитана королевского флота
Эрасмуса Омманея**

Какая нелепая, злая баталия...
Подобный конфуз испытаю едва ли я,
Куда бы в морях ни зашёл далеко –
Не может быть в мире быть вторых Соловков.

Уж эти мне россы – строптивая раса,
Хотел бы я встретиться с Дэвидом Прайсом,
В сраженьях с туземцами знает он толк.
Да будет повержен российский восток!

Желаю ему на Камчатке удачи!
Надеюсь, у Прайса всё будет иначе.
В какую же влип я дурную историю...
И что я скажу королеве Виктории?

*«Враг вынужден был удалиться от нас без
исполнения своего намерения. В монастыре
убитых нет, раненых нет, повреждения –
самые незначительные. Бомб и ядер
по монастырю выпущено около 1800 штук».*

**Из рапорта архимандрита Александра
военному губернатору**

**II
ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ**

Моему отцу В. И. Татаурову

1

Расскажите, хмурые Три брата,
Как однажды в бухту поутру
Мимо вас бесшумно шли фрегаты.
Развевались флаги на ветру
Англии и Франции. Высоко
Паруса окрасила заря.
Как на траверзе Никольской сопки
В глубину упали якоря.
Как смотрел, скрывая удивленье,
В окуляр трубы, прищулив глаз,
На береговые укрепления
И на батареи Дэвид Прайс.

2

**Монолог адмирала королевского флота
Дэвида Прайса, командующего соединённой
англо-французской эскадрой**

То ли Бог, то ли чёрт
Жизнь пометил мне чёрною метой.
И за час до атаки
Картина предельно ясна.
Как мальчишку меня
Обошёл капитан Изыльметьев,
Хоть пять суток я шёл
За его парусами без сна.

И, конечно же, снятые пушки
С фрегата «Аврора»
Увеличили мощь огневую
Семи батарей.
Упаси мою старость от срама,
Господь, от позора.
И дозволь мне уйти
Адмиралом, владыкой морей.

А в правительстве лорды вальяжны,
Хитры и спесивы –
Там Большая игра*,
Там к России двойкий стандарт.
Там никак не поймут,
Что с Россией – нельзя через силу,
В чём недавно уже убедился
Один Бонапарт.

Ну а я проиграл,
Мне не надо искать оправданий.
Оценил и за всё расплачусь,
Если *tu name is price***...

И тогда, на груди
пистолетом раздвинув медали,
без сомнений нажал на курок
адмирал Дэвид Прайс.

* Большая игра (в соответствии с терминологией, принятой тогдашними дипломатами и современными историками) – стремление предотвратить любое усиление российского влияния на Ближнем Востоке и в мире.

** Price (англ.) – цена, оценка.

3

Встреча братьев

**Александра и Дмитрия Максutowых –
князей, лейтенантов Российского флота
(19 июня, по приходу фрегата «Аврора»
в Петропавловский порт)**

«Саша, брат, мы не виделись ровно три года.
Ну, давай, по порядку, про наш Петербург,
На балах что танцуют, какие погоды
На Неве. Расскажи про друзей и подруг...»

«Всё по-прежнему, брат.
Слава Богу, здоровы
И родители наши, и наши друзья.
Я к тебе через тропик пришёл Козерога,
И мыс Горн, как Камчатский вулкан, видел я.
Заблокировали в перуанском Калао
Бритты нашу “Аврору”.
Но ночью, в туман,
Семь десятков гребцов потрудились на славу
И на лодках буксиром фрегат в океан
Увели из-под самого носа британцев!
А потом – девять тысяч бушующих миль
За два месяца!
Это тебе, брат, не танцы
На балах в Петербурге...
Ты, Дмитрий, пойми,
Я не тот избалованный маленький Саша.
И, как ты, здесь России служить буду я,
Чтоб никто не сказал о деяниях наших,
Что Максutowы, дескать, из грязи в князья».

4

**Монолог священника
Георгия Логинова**

Над Никольскою сопкой клубятся туманы.
С высоты замирает в волнении дух.
Говорят, здесь когда-то камлали шаманы
И на помощь сюда прилетал ворон Кутх.

Я – туземец, священник.
Я здесь не камлаю.
Всемогущего Бога победы прошу.
Наш заступник святой,
Отче наш Николае,
Я над сопкой твоею молебен вершу.
А по сопке взрываются ядра и бомбы.
Если б воля Господня на это была,
То, конечно же, Кутх прилетел и помог бы,
И расправил над нами свои два крыла.
Смерть по сопке косою головушки косит.
Страшно, братцы.
Но Бога молю с высоты...

.
По России священники многие носят
На гвардейских
Егорьевских лентах
Кресты!

5

24 августа. Десант

Земли и моря ратники,
Под барабанный бой

С утра стоят десантники
На палубе гурьбой.

На них мундиры красные.
Да здоровствует десант!
А с ними, как на празднике,
Весёлый де Пуант.

И с грубостью матроскою
Он отдаёт приказ –
Взять высоту Никольскую!
(не то, что Дэвид Прайс!)

Всё сделать, как приказано.
Огонь – со всех стволов!
Под ранцами подвязано
По паре кандалов.

Прощай, моя Россиюшка!
Под барабанный бой
Двух стран лихая силушка
Пошла на шлюпах в бой!

6

**На батарее лейтенанта князя
Александра МаксUTOва**

«Сегодня, братцы, просто под*fort*ило...» –
Шутили комендоры поутру,
Когда увидели, какую силу,
Со словом иноземным на борту
“Fort”, подтянули к третьей батарее.

Конечно, жизнь – она как лотерея.
И вот, бомбят друг друга супротив.
Их тридцать пушек...
К нашенским пяти.

Никто не знает, где он, тот, последний
В их жизни час.
Не ведают пока,
Что батарею назовут «Смертельной»
И доблесть их переживёт века.
Обычная военная работа –
Таскать заряды до седьмого пота,
На цель спокойно пушки наводить
И катера десантников топить.

Всё б ничего.
Да пушек маловато.
Разбитые лафеты.
И стрельбу
Ведут прицельно всем бортом с фрегата.
И пятьдесят матросских душ пребудут,
верно, в райских заповедных кушах.
По брустверу ложатся ядра кучно.
Отброшен взрывом,
Лейтенант лежит
С оторванной рукой...
Пока что жив,
Вот встал он
С непосильным жизни грузом...
И кабы был я там, то крикнул я:
«Смотрите, лягушатники французы,
Как умирают русские князья!»

...Но далека обратная дорога.
Над океаном сквозь ветра на юг
Летит душа за тропик Козерога
И далее в дождливый Петербург,
Где матушка склонилась пред иконой.
От пламени свечи пошла вдруг копоть
(Случается такое иногда) –
«Ужели с нашим Сашенькой беда?..»

7

Десант. Продолжение

По нехоженным скалам и склонам,
Где идти не рискнул бы я сам,
Поднимается в сопку колонной
С боем англо-французский десант.

Они деньги сполна получили.
Их сюда привезли воевать.
Вот знамёна они расчехлили.
Вот они закричали «Vivat!».

Сабли блещут в руках командиров.
Всё в атаке понятно без слов.
Ярко-красного цвета мундиры
Потекли по земле, словно кровь.

До виктории меньше полшага!
Только, логике вдруг вопреки,
Злых свирепых казаков ватага
Поднялась и шагнула в штыки.

Как учили –
Развёрнутым строем!
Как положено –
С левой ноги!
И шагнут
Точно так же
Герои
Сталинграда
И Курской дуги!

И шагнёт так в бессмертье пехота
На параде Великой Страны
В ноябре сорок первого года
Прямо в бой от Кремлёвской стены!

Шли казаки отчаянно в гору,
Словно эта гора не гора.
Шли матросы с «Двины» и с «Авроры».
И рвануло над сопкой «Ур-р-ра!!!».

И смешались десанта отряды.
К катерам побежали назад.
И не слышно уже ретирады,
И «виваты» уже не кричат.

Только раненых крики и стоны.
Каждый то получил, что искал –
То ли пулю свинцовую, то ли
Вниз, несчастный, сорвался со скал...

Корабли от земли уходили,
Оставляя в далёких краях

Ярко-красного цвета мундиры –
Пятна крови на серых камнях...

8

Монолог военного губернатора Камчатки, адмирала Василия Степановича Завойко

Дни идут.
Но с потерями сердце мириться не хочет.
Вот и осень пришла.
Опустел Петропавловский порт.
При свечах коротаю
Бессонные долгие ночи
И пишу в Петербург
О камчатской победе рапорт.

Там у них в Петербурге
Нет дела до наших окраин –
Им в обузу Аляска,
Полярные земли в снегу...
Я – простой офицер,
И судить их деянья не вправе.
Но, боюсь, без Камчатки
Прожить я никак не смогу.

Может быть оттого,
Что здесь самые добрые люди,
С кем мне волею Божьей
Однажды служить повезло.
Мои милые люди,
Чем больше друг друга мы любим,
Тем прекраснее мы –
И ничтожней становится зло.

Город добрых людей,
Город доблестной воинской славы!
Процветай на века,
Мой родной Петропавловский порт!
Волей Господа Бога
Даны нам победные лавры...
И мне жаль, что про это
Не пишут служебный рапорт...

ЭПИЛОГ

Нам с погодой везёт, слава Богу!
Над полярной землёй напрямки
Мчит с Камчатки меня в отпуск «Боинг».
Направление – на Соловки.

А под крыльями снежные сопки
И сверкают во льдах берега.
И не верится даже, что солнце
Здесь в июне растопит снега.

Поудобней устроившись в кресле,
Я листаю журнал на коленях.
Прогнозирует фактами пресса
О глобальном Земли потепленье.

Что доступен без льдов и торосов
Будет всем кораблям Севморпуть,
И возникнут о шельфе вопросы,
И что кто-то захочет рискнуть

Разделить «справедливо и честно»
Меж собою полярный наш шельф...
Слишком много компаний известных.
«Хилл корп», «Бритиш петролеум», «Шелл»...

Исходя из печатного слова –
Не сегодня, так завтра –
Вот-вот,
В наших водах появятся снова
И «миранды», и «бриски», и «форт»...

Вновь под «Юнкерсов» бомбовым воём
На ленд-лизовских тральщиках «Хиггенз»
Соловецкие юнги* конвой
Поведут, как в те годы лихие.

И пехоты морской экипажи,
Как чуть больше полвека назад,
Из Авачинской бухты на баржах
Снова выйдут в Курильский десант.

Не скажу, что банально и пошло
Жизнь по кругу вращают колёса.
Просто сосредоточена в прошлом
Современная определённости.

Страшно уподобляться иванам,
Не желающим помнить родства.
Но, как прежде, пришельцам незванным
Объясним популярно права.

* В годы Великой Отечественной войны на Соловках находилась легендарная Школа юнг, воспитавшая пять Героев Советского Союза.

Ведь великих событий зачатки
Зреют в толще минувших веков,
Там военная доблесть Камчатки
И духовная мощь Соловков!

Есть за нами безмерные силы.
Я рождён здесь –
И этим горжусь!

.
Пятый час мы летим над Россией –
И вокруг неоглядная Русь...

Февраль–апрель 2014 г.

На самых дальних берегах

ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАМЧАТКИ
1967 г.

Неласковый охотоморский берег.
Промозглые холодные ветра.
И чередой бессчётных волн набеги
Смывают то, что было здесь вчера.

Суровая камчатская природа
В разладе с человеческой суетой.
Заброшенных бараков, рыбзаводов
Проёмы стен зияют пустотой.

Остановись в пути на миг, прохожий
Вдоль этих нежилых печальных мест,
И на закате в вечер непогожий
Взгляни на взгорье.
Там чугунный крест.

Поди, здесь человек нашёл погибель.
Склонится над могилой голова,
Где на чугунной на плите могильной
К потомкам обращённые слова:

*«Здесь похоронен дружинник
крестьянин Ксаверий Бируля,
убитый на реке Озерная
17 июля 1904 года».*

В Явино японские отряды,
По числу – сто пятьдесят штыков.

*«Смысло на этой тынь писанихъ слов:
именно эта земля уже принадлежится Японию,
поэтому кто того трогаеть это тынь
будеть убиты.*

Командирь японской войска Сечи Гундзи».

Надпись на доске в селенье Явино. 1904 г.

ОПОЛЧЕНЕЦ

За Русь, за Царя и за Веру!
С берданкой идти на войну
Собрался Бируля Ксаверий,
Детей приласкав и жену.

«Не время картошку и репу
Сажать!»
И рыдает семья:
«Идёшь на какую потребу?»
«А кто же пойдёт, коль не я...
Прощай, дорогая супруга.
В ответе за матушку Русь
Не страшно погибнуть за други,
Но я непременно вернусь.
Где глубже пущай рыба ищет.
Я жизнью не клят и не мят. –
Ксаверий поднял кулачищи, –
Ужо у меня, супостат!»

Кого-то потомки забудут,
А кто-то прославит страну.
Так было. Так есть. И так будет.
Бируля пошёл на войну.

СЕЛЕНИЕ ЯВИНО. 15–17 ИЮЛЯ 1904 г.

Поздний вечер. Алая заря.
В кедраче укрылись ополченцы.
Может быть задумано всё зря?
Может быть прийти как примиренцы?

Встретить солью, сдобным калачом.
Выпить, как с гостями дорогими...
Кто в Россию приходил с мечом,
От меча и находил погибель.

Потому и вывод очень прост.
Вот им наша соль!!!

Вот наши хлебцы!!!

Сотников поднялся во весь рост,
И пошли в атаку ополченцы.

Взяли самураев на испуг.
Тех, кто не успел вооружиться,
Бил Ксаверий наотмашь с двух рук,
Мастеров приёмов джиу-джитсу,

Словно удобрял он огород
Под картошку... только дура-пуля
Вдарила исподтишка в живот.
И внезапно ослабел Бируля.

Так и не поднялся он с колен.
Так и не увидел, как в мундире
Сечи Гундзи взят в позорный плен,
Без банзаев и без харакири.

*«Снята 17/VII–904 г. М. Сотников. с. Явино»**

**РАЗГОВОР УЕЗДНОГО НАЧАЛЬНИКА
КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ
Н. А. ГРЕБНИЦКОГО
С ПЕТРОПАВЛОВСКИМ УЕЗДНЫМ
НАЧАЛЬНИКОМ А. П. СИЛЬНИЦКИМ**

«Антон Петрович! Да, мы азиаты.
И никогда Европой нам не стать.
Из любопытства съездил бы ты в Штаты,
В конгрессе заседают демократы.
Взглянул бы, там какая благодать.

Святые демократии вершины!
Там чтут правопорядок и закон!
А ты создал какие-то дружины
И убиваешь мирных рыбаков.

Они бегут от страха и бессилья
Прочь от твоих бандитов и громил.
В каком ты виде выставил Россию?
А что о нас подумает весь мир?

* Дополнительная надпись на доске в селенье Явино.
1904 г.

С дружинами ты дал, конечно, маху.
Я буду срочно ружья изымать!»
«Пошёл-ка ты... Гребницкий, лучше на...
С дерьмом и с кратией, япона мать!»
.....

И полетучка в Петербург с Камчатки
Отправлена, поспешная весьма:
«Уездный Петропавловский начальник,
Действительно, вчера сошёл с ума!»

**РАЗГОВОР УПОЛНОМОЧЕННОГО
МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
И НАМЕСТНИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
Н. А. ГРЕБНИЦКОГО С ЛЕЙТЕНАНТОМ
ЯПОНСКОГО ФЛОТА СЕЧИ ГУНДЗИ**

«My dear friend!
Примите извиненья.
Не надо поднимать излишний шум.
Сейчас у нас закончатся волненья
И Вам позволят ехать на Шумшу.

Забудьте о событиях прошедших.
Клянусь, my friend, всё будет very good!
Здесь на Камчатке много сумасшедших.
Я всех до одного отдам под суд!

Живите без забот и без опаски.
Не надо замышлять от нас побег.
Начальником уезда будет Павский –
Мой друг и распрекрасный человек!»

ПРАЗДНИК РЫБЫ НА РЕКЕ ИЧА

Пусть вскипит опять река до зыби.
И в камланье воздадим богам:
«Боги! Раньше было столько рыбы,
Что река топила берега».

«Рыба вновь придёт, мы в это верим,
К нам своим неведомым путём».
«Хватит человеку. Хватит зверю.
Больше, чем нам надо, не возьмём».

Не пришла, однако, в реку рыба.
Голод будет на Алхалалай.
Вдоль реки, петляющей в изгибах,
Грустно встали идолы Хантай.

Целый день шаман колотит в бубен,
Вертится юлою у костра.
«Кутх, скажи, что с нами завтра будет?»
Кутх ответил: «Помирать пора».

Рыбы нет в реке.
Одни напасти.
Соболей скупают за гроши.
Нет Сильницкого.
Начальник Павский
Спирт и водку снова разрешил.

Все умрём.
Никто уже не будет
Отгонять медведей от могил.
Над рекой гудит тревожно бубен:

«Сотников.
Ты сможешь...
Помоги!!! ...»

В УСТЬЕ РЕКИ ИЧА

Пять шхун сетями устье перекрыли.
От «хищников» –
Непрошенных гостей –
На милую всё бело от снулой рыбы,
Что выбросили в море из сетей.

Горбуша не в почёте. Им чавычка
Нужней. И нерки вкус приятен им.
Как Стенька Разин:
«Всем сарынь на кичку!» –
Поднял дружину Сотников Максим.

Да, храбрецами, братцы, Бог владеет!
И меткости стрелкам не занимать,
Чтоб знали справедливость нашу в деле!
Спасай своих детей, япона мать!

... Потом в подлеске похоронят трупы
Без имени. От дома вдалеке.
Со шхун муку и соль свезут на шлюпах.
И дальше в путь.
К очередной реке...

Пошёл по Иче ход лосося рунный!
Танцуйте, ительмены Норгали!
За вас на рейде полыхают шхуны.
Дружинники сжигают корабли.

ГОРОД ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОРТСМУТСКОГО
МИРНОГО ДОГОВОРА МЕЖДУ РОССИЕЙ
И ЯПОНИЕЙ. 1905 г.

*Государю Императору благоугодно
высочайше повелеть: объявить камчадалам,
вооружившимся для защиты края
во время последней войны, благоволение
Его Величества, и тех из них, которые
участвовали в бою, наградить медалями,
установленными в память минувшей войны,
на Георгиевской ленте.*

И надо ж так случиться, что Гребницкий
Привёз Георгиевские кресты.
«Спасители мои!
Поклон Вам низкий.
Могучи духом! Совестью чисты!» –

Он снял неспешно белые перчатки.
С почтеньем оглядел притихший зал.
И каждому защитнику Камчатки
Подобострастно долго руку жал.

А после Алексей Черных, охальник,
На ухо (но чтоб слышали), шепнул:
«Скажи, любезный, где здесь умывальник?
Пойду от грязи руки сполосну».

Улыбки выжимали лицемеры,
Как будто за награды и рубли

Крестов Георгиевских кавалеры
Камчатку
Для России
Сберегли.

...Советов власть отметит их отвагу –
другому неповадно было чтоб:
за крест гвардейский – десять лет ГУЛАГа.
А если недоволен – пулю в лоб.

НА РЕКЕ ВОРОВСКОЙ. 18 ИЮЛЯ 1906 г.

*«Есть в ином местечке,
Где мы не искали,
Рыбой полна речка,
Речка Воровская.
Там по глади зыбкой
В глубине лазури
Золотую рыбку
Выловил мазурик.
Там дожди грибные.
Горы, словно стены.
Радуги цветные.
Дни благословенны.
Пусть сидит на печке
Тот, кто не рискует.
А мы ищем речку,
Эх, речку Воровскую...» –*

Был запевалою Гаврила Спешнев,
И вторил басом Спешнев Анкудин.

Шли берегом к реке с весёлой песней
Все на подбор красавцы, как один.
«Смотри-ка, что творят японцы!
 Братцы,
Всё устье перекрыли невода!
Их двадцать шесть, а нас всего тринадцать.
На каждого приходится по два».

Ай, Сотников, уж лучше б ты оставил
Всё так, как есть, не доставал тетрадь.
Согласно пункту действующих Правил
Ты должен всё у них конфисковать.

«Японец, мне обидно за державу.
Мне родину разграбленную жаль».
С поклоном Саки шурился лукаво,
И вдруг из трости выдернул кинжал.

Рванули ружья тишину по знаку
С японской стороны.

 Окончен бой
Так и не начавшись.
 Лежат, однако,
Тринадцать тел на речке Воровской.

А сверху облака, дожди грибные...
И горы за рекой стоят стеной.
Как в песне,
 где-то есть миры иные.
И где ж он, братцы, этот мир иной?

НАШЕ ВРЕМЯ

Наш век цветных и прочих революций,
переоценок мировой войны. И вот уже в процессе
эволюций нет той России, той бывшей страны.

Не ворошу Отечества могилы, но мне порою
трудно не съязвить, как наш российский президент
Курилы хотел японцам спьяну подарить. Зачем
они стране Восхода солнца? У них к ресурсам на-
шим нет преград – на рынках в изобилие у япон-
цев с Камчатки рыба и камчатский краб.

И сколько ни писали бы газеты – вокруг
Камчатки, принося доход, почти полвека дреф-
терные сети перекрывали к рекам рыболод.

Так от безрыбных берегов народы совсем
ушли, не совладав с бедой. Заброшенных бара-
ков, рыбзаводов проёмы стен зияют пустотой.

А нас опять надежды обманули, осталась
только память о былом.

С могилы крест Ксаверия Бирули потомки
сдали на металлолом.

7–19 сентября 2019 г.

«И на Тихом океане...»

К столетию «Николаевского инцидента»

*Сергею Вахрину –
патриоту, писателю, историку,
автору «Камчатской родословной
книги», преподавшему нам урок
верности фамилии, роду и Родине*

I. ИЗ ДНЕВНИКА ПРОТОИЕРЕЯ СЕРАПИОНА ЧЕРНЫХ

Род священнослужителей Черных начинается с XVIII в. на Камчатке. В числе первых поселенцев в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова упоминаются казаки – Черной Иван, Черной Данила и Черной Леонтий.

Н.А. Аруева. «Люди и судьбы»

28 февраля 1920 года.

Неделя 1-я Великого поста.

Накануне дня Торжества Православия

*«Жизнь – бег!
Изнемогающий сохатый
Под елью замер, тяжело дыша.
А волчий круг смертельного охвата
Сжимается.*

Звериная душа

*Вот-вот расстанется с могучим телом,
Которое любило, пило, ело
И радовалось солнцу на бегу...
Но будет лужей крови на снегу... –*

Всё тот же сон...

В России та же смута.
Белогвардейцы и большевики...
Сегодня Николаевск-на-Амуре
Встречает партизанские полки.

Все в красных бантах. Флаги и тряпицы
Полощутся на ледяном ветру.
А члены штаба фронта и Тряпицын*
Прошлись по набережной поутру.

Вот он – войны гражданской пункт конечный.
А дальше – океан и горизонт.
С пришедшими сахалами** сердечно
Братается японский гарнизон».

* Тряпицын Яков Иванович (1897–1920 гг.) – командующий Николаевским фронтом и Николаевским военным округом Красной Армии РСФСР и Охотским фронтом Народно-революционной армии Дальневосточной республики.

** Сахалы – бывшие каторжники, сбежавшие с Сахалинской каторги.

**06 марта 1920 года.
Неделя 2-я Великого поста.
Вселенская родительская суббота**

«Упокой, Господи,
душу усопшего раба твоего –
предка Алексея Черных*...

Прости, Господь, что скорбно мне и больно.
И смуту пережить дай силы мне
За прегрешенья, вольно и невольно
Содеянные нами на земле.

Мой прадед, я храню медаль на ленте
Егорьевской, –
Ты много лет назад
За Петропавловский порт был в ответе,
Англо-французский разгромив десант.

Сберёг Господь тебя от глупой пули.
И вскоре ты со шхуны на борту
Увидел ширь речную на Амуре
С избушкой в Николаевском посту.

Здесь камчадалами на новостройке
Построен Петропавловский собор.

* Алексей Черных – дьякон Петропавловского собора, заслуживший медаль на Георгиевской ленте в память Крымской войны, был отправлен с семейством из Петропавловского порта к месту назначения, согласно приказу от 05.03.1855 г. контр-адмирала, командира Петропавловского порта, военного губернатора Камчатской области В. С. Завойко.

Здесь сам Василь Степанович Завойко,
Случалось, брал пилу или топор.

Они смогли, камчатские братушки,
Обжить сии российские места.
А бывший пост с единственной избушкой
Столицей Дальнего Востока стал».

**13 марта 1920 года.
Неделя 3-я Великого поста.
Вселенская родительская суббота**

*«Господи, прими с миром души раб Твоих,
воинствовавших за благоденствие наше, за мир
и покой наш, и подаждь им вечное упокоение...*

Вчера был Сахалинский Съезд Советов.
Четвёртый час утра. Зажёг свечу.
За окнами конец и тьмы, и света
В разрывах бомб, снарядов...
Я хочу
Молитву прочитать за убиенных
Гражданских, и японцев, и военных.
Под окнами опять рванул снаряд.
Не ведают, безумцы, что творят.

Штаб окружён. И в пулемётных лентах
Сахалы убиенные лежат.
За насыпью крадётся интервентов,
По плану операции, отряд.

Честь самураев в этот час в зените.
Тряпицын ранен в ногу.
«Застрелите, –
Кричит в пылу, – товарищи, меня!»
Но на руках выносят из огня
Его.
Спешит майора Исикаву
Японский консул отблагодарить.
Вот так является земная слава.
Уж заключают господа пари –
«Продержатся ль Советы до рассвета?
Спасители родные – интервенты,
Кто шёл на бой под стягом Колчака –
Спасайте от Советов и ЧК!»

И солнце цвета крови и отваги
Над дымным Николаевском встаёт –
Один в один как на японском флаге.

Но полк Амгуно-Кербинский идёт
К большевику Тряпицыну в подмогу,
Из пушек расчищая путь-дорогу.
Уже Симады с боем взят квартал.
Японский консул спрятался в подвал.
А самурай бесстрашный Исикава,
Сам с саблей наголо, крича: «Банзай»,
Уже не славы...
Верно, смерть искал он,
Бросаясь в бой на цепи партизан.

Потом, признаюсь, стало только хуже:
И русские бандиты, и хунхузы

По городу под видом партизан
Айда всех грабить, семьи вырезать,
Насиловать.
Пошла гулять рванина.
Как говорится, горе не беда, –
Начальник штаба Лебедева Нина
Всех, наобум, стреляла без суда.

Прости, Господь, что скорбно мне и больно.
И смуту пережить дай силы мне
За прегрешенья, вольно и невольно
Содеянные нами на земле».

20 марта 1920 года.

Неделя 4-я Великого поста.

Вселенская родительская суббота

*«Упокой, Господи,
душу усопшего раба твоего – предка
Иоанна Чёрного (Черных)* ...*

Молюсь, дабы обрёл покой и милость
Камчатский сотник Чёрный Иоанн.
Уж он-то вволю побродил по миру.
Уж он-то навидался дальних стран.

Швыряли боты бешеные волны
И ветер рвал полотнища ветрил.
Он прегрешений вольных и невольных
За прожитое столько натворил...

* Иван Чёрный (Черных) – казачий сотник, глава экспедиции исследования Курильских островов (1766–1769 гг.).

Уж он-то помнил, как погиб Атласов*.
Поэтому в спокойствии и жил,
Что казаков своих бил по мордасам,
Чем в страх и трепет приводил чужих.

И айны**, встретив подданных микадо,
Свирепый норов Чёрного ценя,
Кричали: «От Камчатки до Хоккайдо –
Владения российского царя!»

Составив обстоятельную карту
И опись всех Курильских островов,
Он к айнам был не толерантен как-то,
Чем наломал, увы, немало дров.

Не знал он мер во власти и в разгуле.
И это стало главной из причин,
Что он в Иркутске взят был на цугундер***.
В цугундере от оспы и почил».

Последняя запись.

03 апреля 1920 года. Лазарева суббота

*«Господи, к гробу четверодневною,
на могилу Лазаря пришел Ты,
и пролив слезы о друге, восставил
четверодневною мертвеца Ты, колос жизни».*

* В. В. Атласов – русский землепроходец, якутский казак, совершивший поход по Камчатке в 1697–1698 гг. А. С. Пушкин назвал Атласова «Камчатским Ермаком», а академик С. П. Крашенинников – «обретателем Камчатки».

** Айны – коренное население Курильских островов.

*** Цугундер – тюрьма.

Жизнь с каждым днём становится всё хуже.
По улицам безлюдным бродит страх.
Страшнее страха, может, только ужас.
Закрыты ставни. Двери на замках
И изнутри на кованых запорах,
А в душах отчуждения стена.
Поди узнай, есть жизнь ли за забором?
«Эй! Живы, люди?» –
Только тишина...

И на душе сомненья и тревога.
Где мне сыскать заветные слова?
Как было у Спасителя, у Бога!
Неужто вера у меня слаба?

ОН не успел,
А значит,
Лазарь умер.
Выходит так, что некого винить.
Не всё сбывается, о чём ты думал.
И прошлого уже не повторить.

Пусть очи на мечту откроют вежды,
Надежда до последнего живёт.
Она живёт – последняя надежда,
Что чудо всё-таки произойдёт.

Чтоб от Москвы до самых до окраин,
Всем фактам и прогнозам вопреки,
Обнялись крепко братья – Авель, Каин –
Белогвардейцы и большевики.

Меня моя надежда не оставит.
Ведь не должна прерваться Жизни нить.
Но ОН пришёл!
И Лазарь будет жить!

...Что завтра ждёт меня? –
никто не знает...»

04 апреля 1920 года.
Вход Господень в Иерусалим.
Вербное воскресенье

Чудесный день!
Через неделю – Пасха!
Как трудно в этот день быть одному.
Крадётся николаевская паства
Со свечками и с вербой на Амур.
Спешит, как говорится, освящаться.
О, Боже мой, какое это счастье –
Средь верующих в Господа людей
Букетик вербы подставлять воде
И солнцу, что с небес на нас нисходят.
Задумчивый отец Серапион,
Старушками, дьячками окружён,
С кропилом важно вдоль прихода ходит.

Спаситель в город в этот день явился.
Пусть мир погряз в страданиях и зле,
Но, думаю, никто б не удивился,
Когда б Тряпицын въехал на осле
На лёд Амура к добрым милым людям.

Он – человек, как все,
Живёт и любит.
Но он приехал на гнедом коне
С тяжёлым маузером на ремне.
И с ним его лихие партизаны.
«Всем вон отсюда!»
«Прочь! Кому сказали?»
«Буржуи недобитые! Весь сброд!»
«Я, поп, сейчас тебе закрою рот!»
В строю вооружённые сахалы.

Сон наяву –
В кругу волков
Сохатый...
Как волчья стая замерла толпа...

«Товарищи! Кто вербой бить попа?»
«Верба хлёт –
бьёт до слёз.
Верба красна –
бьёт не напрасно».
«Кто разберётся с мироедов классом?»
«Петро, поставь синяк ему под глазом!»

Но души давит срама тяжкий груз –
Строй неподвижен.

Вышел лишь хунхуз.
Он бьёт в лицо, в живот.
Рвёт в клочья рясу.
Он бьёт за все обиды жёлтой расы
По голове ногой, под сердце влёт.

«А щас тащи его топить под лёд!»

.

Отца Серапиона из воды

Достали.

Положили под иконой.

Исчезли избиения следы.

Стал лик его лучистым и спокойным...

*Моли Бога о нас, святой новомученик
дальневосточный Серапион Амурский.*

II. ЯКОВ ИВАНОВИЧ ТРЯПИЦЫН

...Тряпицын был борцом за власть Советов...

...Загубили Якова Тряпицына напрасно.

**Из разговора советского военачальника
В. К. Блюхера с писателем П. И. Гладких**

1

Тряпицын Яков – коммунар отважный,

Колчаковцами взят был под арест

В Иркутске.

Но сумел бежать однажды.

Ему был на германском фронте дважды

За храбрость дан Георгиевский крест.

Он вышел с девятнадцатью бойцами

В Хабаровском уезде, смел, рисков,

С такими же, как он, большевиками.

А нынче с ним две тысячи штыков.

С жестокою военной дисциплиной,

Вскрывая укрепления, как таран,

Шли эскадроны партизан лавиной,

Врагов сметая в Тихий океан.

2

Их храбрость – это славные дела их!

Де-Кастри, Циммермановка...

И вот

Взят на Амуре город Николаевск,

Приморья Белой армии оплот.

Задерживаясь за полночь нередко,

О сухарях забыв и о чайках,

Все документы белой контрразведки

Исследовала тщательно ЧК.

«Тряпицын, прочитайте – это ж надо,

Так потерять порядочность и стыд,

Составлена петиция к микадо

От наших николаевских элит.

Российские чиновники, буржуи

Придумали диковинный почин –

Японцам шлют приветы-поцелуи,

Им отдают Амур и Сахалин».

«Придите, дорогие интервенты,

Без вас в стране совсем порядка нет.

Гоните большевицкие Советы.

Сердешный буржуинский вам привет!

И подписи на трёх листах. Чин чином!» –
Смеётся звонко Лебедева Нина
С реестром подписей ста двух иуд.
Тряпицын пишет:
«Под арест. И в суд».

3

Сраженьям и войне гражданской – баста!
Вся власть Советам!
Наш последний бой.

«Не знаю, Нина, словно я по насту
Иду.

И, как болото под ногой,
Разверзнется бездонная пучина
Вот-вот.

И глупость – этому причина.
Москва открыла интервентам дверь,
Создав предательскую ДВР*.

Абсурдная, нелепая программа.
О ней сказать я Ленину хочу.
В Москву через Иркутск радиogramму
Я посылаю лично Ильичу:

*«Иркутск. Тов. Янсону – Уполномоченному
иностранным отделом от ЦК ВКП(б)
из Москвы – Ленину.
Нам стало ясно, что вы совершенно неверно
информированы о положении здесь, и хотели бы
спросить, кто вас информировал о положении
здесь, а также Москву, которой вынесено
постановление о буферном государстве
на Дальнем Востоке, создание которого
совершенно нецелесообразно... Вместо
избавления от японцев, буфер нам дал ещё
более злейшую войну... Вы своим дурацким
буфером сорвали уже готовую победу Красной
партизанской армии на Д. Востоке. Если бы не
провокация буферов и земцев, то японцы, под
давлением наших сил, ушли бы отовсюду...»*

4

В бывший Дом собраний благородных
Потянулись все – и стар, и мал.
Хор консерватории народной
Разучил «Интернационал».
Может быть, с презрительною миной
Улыбнётся сноб или эстет:
Для народа Лебедева Нина
Здесь открыла университет.

Где под керосинки тусклым светом
Пишут из неграмотности тьмы
Мелом на доске: «Вся власть Советам!»,
«Не рабы мы!» и «Рабы не мы!»

* ДВР – Дальневосточная республика (06.04.1920–
15.11.1922 гг.), буржуазно-демократическое государство,
в народе называемое Довольно Весёлая Республика.

Люди верят, что на самом деле
Принесёт плоды их героизм.
Ведь они по ленинской модели
Строят здесь военный коммунизм.

5

«Знаешь, Нина, всё не так уж плохо.
Верю, что сбываются мечты.
Мы с тобой Советскую эпоху
Создаём совместно – я и ты.

Мы простим друг другу все обиды
В этой грязи и войны дерьме.
Наша ли вина, что полюбили
Мы друг друга в этой кутерьме?

Простучит нам телеграф внезапно
В нашу сумасшедшую весну:
Мне дадут приказ – *идти на запад*,
А тебе – *в другую сторону*.

Так и разойдутся наши судьбы.
Не потерпит сердце пустоты,
В жизни у меня сейчас, по сути,
Только Революция и ты.

Так чего мне унывать?
Довольно
Мыкать горе, что тебя люблю.
Я тебя в своей душе, хоть больно,
Но, клянусь, как контру застрелю.

Брошусь в Революции пучину.
Трубачи атаку протрубят!
Что за слёзы, Лебедева Нина?»
«Да бе-ре-мен-на я от тебя...»

6

«Что, Яков, загрустил? Давай закурим.
От льда Амур вскрывается...
Но вот
На карте Николаевск-на-Амуре
Уже означен как японский порт.

Побереги для будущего нервы,
Когда в Де-Кастри высадят десант,
Когда пойдут в верховья канонерки
И будет здесь хозяин – оккупант».

Без устали в эфир тире и точки
Летят –
«Пришлите нам снаряды срочно!
Товарищи! Не можем больше ждать».
Ответ:
«С японцами в бой не вступать».

7

«Говорят, нынче Троица.
Это тридцатое мая.
Милосердие, жалость,
А также сомнения прочь.

Я в ответе за всё
И ответственности не снимаю.
Пароходы уходят от пирсов
В тревожную ночь.

Партизаны уже лошадей
Запрягают в подводы.
По ближайшим болотам
И топям настелена гать.
Моисей по пустыне
Народ уводил на свободу.
У меня не пустыня.
Мне легче –
Всего лишь тайга.

На подходе японцы.
Товарищи, поторопитесь.
Двадцать тысяч народа –
Всё женщин, детей, стариков.
В ДВР и в России пусть знают,
Что Яша Тряпицын
Никого не оставил
На пытки и смерть от врагов».

Радиограмма:

*Всем органам власти на Дальнем Востоке
и Российской Федеративной Советской респуб-
лики.*

*Говорит радиостанция RNL из Николаевска-
на-Амуре. 1 июня 1920 года.*

*Товарищи! В последний раз говорим с вами.
Оставляем город и крепость, взрываем радио-
станцию и уходим в тайгу. Всё население города и
района эвакуировано. Деревни по всему побережью
моря и в низовье Амура сожжены. Город и кре-
пость разрушены до основания, крупные здания
взорваны. Всё, что нельзя эвакуировать и что
могло быть использовано японцами, нами
сожжено и взорвано. На месте города и крепости
остались одни дымящиеся развалины, и враг наш,
придя сюда, найдёт только груды пепла...*

Не вините за это
Сахалов, бандитов, хунхузов.
Партизаны уходят.
Их совесть и руки чисты –
Так когда-то сжигали Москву
При подходе французов.
Так рванут, уходя в сорок первом,
Над Бугом мосты.

Страха нет.
По пожарищам города мечется ужас.
Там, в застенках тюрьмы,
Без суда убивают господ.
Вой безумных собак,
Да вороны безмолвные кружат.
Если это увидишь,
Поймёшь, что такое – исход.

8

Кто хоть однажды был в таёжной чаще,
Наверняка запомнил тот кошмар,
Когда на вас вдруг облаком звенящим
Напал Его Величество Комар.

Он забивает ноздри, рот и уши.
Он с мошкаррой везде, ядрёна мать.
Вот тут-то вспомнишь ты о зимней стуже,
Но, что поделаться, надо привыкать.

Штаб уходил из города последним,
От взорванной и выжженной земли.
И, чтоб не разыскали их по следу,
Все разными маршрутами пошли.

В тайге плутала три недели группа,
И днём и ночью не смыкая век.
С проводником всё получилось глупо,
Лазутчиком японским был эвенк.

За сотню вёрст нет ни жилья, ни тропки.
И как-то раз увидеть довелось
В бинокль Тряпищину с ближайшей сопки,
Как волчьей стаей окружён был лось.

Под елью обессиленный сохатый
Стоял недвижно, тяжело дыша.
Замкнулся круг смертельного охвата.
И прыгнул волк, сохатого душа,
Под горло.

Стая кинулась на тело,
Которое любило, пило, ело,
Бежало в ширь распахнутых полей...
Осталась лужа крови на земле.

Конец пути. Вся жизнь как на ладони.
Но что поделаться, такова судьба.
Зачем искать себе иную долю,
Жизнь – противоположностей борьба.

9

Чтобы землю звёздами укрыть,
Ночью небо падает на землю.
Звёзды превращаются в костры.
У костров устало люди дремлют.

Над кострами сны их и мечты
С искрами взвиваются и гаснут.
Кто-то грезит о вещах простых,
Кто-то о несбыточном прекрасном.

Впереди не жизнь, а красота.
Только нынче кой-кому не спится,
Шепчутся тихонько у костра,
Что не так удачлив стал Тряпищын.

«Нет еды, болота, комары.
Что темнит он со своею бабой?»
«До какой ещё терпеть поры
Их, здесь появившихся, со штабом?»

10

Души разъедаются быстрее,
Чем железо разъедает ржа.

Вспоминает партизан Андреев
Страшный николаевский пожар.
Как кричал Тряпицын, злой и лютый,
К делу приступая от угроз:
«Убивай всех!
Это ведь не люди!
Это социальный наш навоз!»
Как несчастные в ногах просили,
Чтоб добрее к ним была судьба...
Пропади ты пропадом, Россия!
Русь, где попирает раб раба!
Я, Иван Андреев, почему-то
Здесь ещё живу, в дурной стране,
А не в префектуре Карафуто*,
Где житьё приемлемо вполне...

«Выслушай, товарищ!
Вместе с Ниной
Яков – натуральный анархист!
Не в ладах с партийной дисциплиной.
Перед Революцией не чист».

«Он нам – враг!
А к нашему врагу нет
Жалости!»

* Префектура Японии на о. Сахалин (1920–1925 гг.).

Чтоб не попасть впросак,
Пробрались на пароход «Амгунец»
Якова брать ночью,
В три часа.

11

«Как глупо! Как грязно! Как подло!
Какой-то безумный наезд...»
Тряпицына Яшу в исподнем
С «Амгунца» ведут под арест.

Цепями закованы ноги.
И Нина без куртки, боса.
Товарищи их вдоль дороги
Отводят в смятенье глаза.

Должны осудить их намедни.
Уж начали люди роптать.
«Андреев, не мешкай. Не медли!
Их надо быстрее расстрелять».

12

«Кровь за кровь,
Смерть за смерть!
Сто три члена суда,
Вы согласны?» –

«Единогласно!»

Наедине с собой пытаюсь я нередко
Проведать путь причинно-следственных следов.
Что знаем с вами мы о наших славных предках,
Когда своих не помним бабушек, дедов...

Ах, как мы счастливы, что многого не знали!
Иван не помнящий родства блажен вполне.
И я, смотря на сон грядущий сериалы,
Проснулся среди ночи.

Страшно мне,
Что

*Прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.**

11 марта – 2 апреля 2019 г.

* М. Ю. Лермонтов «Дума».

Про чемодан и сорок третий год

*Посвящается старожилу
г. Петропавловска-Камчатского
Галине Алексеевне Обуховой*

СЕЛО ПАРАТУНКА,
КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ, 23 ИЮНЯ 1981 г.

1

Жара была в то лето на Камчатке.
Я в Паратунку ездил отдыхать,
Напротив луж* устроившись в палатке.
Здесь у костров всю ночь не затихал
Гитарный перезвон. И анекдоты,
Приколы безобидные, остроты
Безудержно переполняли нас.
И пили мы тогда отнюдь не квас.

2

В субботу к лужам подошла вахтовка –
Спасатели с Мутновки** по пути,
В брезентовых и выцветших штормовках,
Решили рядом вечер провести.
Они искали киевских учёных,
Строителей Мутновской ГеоЭС.

* Лужа – место выхода геотермальных вод на поверхность.

** Мутновка – Мутновский вулкан, в районе которого расположена Мутновская Геотермальная Электростанция, находится на расстоянии 80 км к югу от Петропавловска-Камчатского.

Возможно, под лавиной погребённых
На перевале, где их след исчез.
Второе лето не найдут останки.
В жару до шлака стояли снега.
Ни рваных курток, ни следов стоянки,
Ни рюкзака, ни даже ржавой банки...
Везде, где их искали, – ни следа.

3

К палатке нашей на термальных водах
Горбушу из реки принёс шофёр, –
Какой же без ведра ушицы отдых? –
И стал деньгами разжигать костёр.
Аж выпуска тридцать восьмого года
Червонцы загорелись и рубли
На радость удивлённого народа.
Спасатели с собою привезли
Таких бумажек целый чемоданчик.
И мы с шофёром начали судачить,
Как эти деньги к ним попасть могли...

4

«Во вторник на Вилючинском вулкане*,
Где безуспешно киевлян искали,
Растаял от лавины старой след,
А там из фирна вытаял скелет.
Бедняга, видно, путь держал неблизкий.
При нём нашли конверт из Сан-Франциско
С отправки датой – сорок третий год.

* Вилючинский вулкан расположен на расстоянии 50 км к югу от Петропавловска-Камчатского вдоль авто-трассы к Мутновской ГеоЭС.

И больше, к сожаленью, ничего.
В кирзовых прохарях и в телогрейке.
Но рядом... не какие-то копейки –
С червонцами фанерный чемодан.
Где ж вы, мои весёлые года?..»

АВАЧИНСКИЙ ЗАЛИВ,
Ш = 52°38.3' N; Д = 159°14,2' E,
04 ОКТЯБРЯ 1943 г.

Либерти* «Одесса»
шёл из Акутана
с танками, а в трюмах
молоко и рис.
С дружною командой,
с хмурым капитаном
шёл на фронт с Аляски
штатовский ленд-лиз.

Не было по курсу
плавающей мины,
глубина под килем
больше, чем с версту.
Но идёт к Курилам
следом субмарина
S-44**
с острова Атту.

* Либерти – серия транспортных судов, построенная в США во время Второй мировой войны для перевозки военных грузов.

** Субмарина S-44 – подводная лодка ВМС США, капитан Френсис Элвуд Браун, потоплена японским эсминцем 7 октября 1943 г. вблизи острова Парамушир (Курильские острова).

И в тот час, возможно,
лично Френсис Браун
встал у перископа,
крикнул «Товсь!» и «Пли!».
Время всех рассудит –
виноват ли, прав он? –
«Русских и японцев –
всех подряд топи!»

Пенный след торпеды.
Борт разворотило –
въедет «студебеккер»
в брешь кормы вполне.
И вода морская
в трюме растворила
молоко сухое
белизной в волне.

В млечном океане
белокрылье чаек.
Белизна тумана.
Бесконечный день.
За живучесть бьётся
либерти отчаянно,
чтоб дойти по курсу
в бухту Ахомтен*.

* Ныне бухта Русская.

ВОЕННО-ЛОЦМАНСКИЙ ПУНКТ В БУХТЕ АХОМТЕН

На горизонте острые зубцы
Вулканов.
Ноги хлюпают в снежнице*.
Стоят на Ахомтене пограницы
И охраняют внешнюю границу.

Сегодня утром,
Вооружены
Ракетницей и дедовской винтовкой,
Бежать на фронт решили пацаны
Из Паратунки, обойдя Мутновку.

Отсюда начинается поход
В Ванкувер или до Владивостока.
С землёй гудком простился пароход,
Дымя трубой по курсу одиноко.

Без устали о берег бьёт волна.
Но сколько б штормовой волне не биться,
Идут по Ахомтену лоцмана
На катера по скользким брёвнам пирса.

Живым без провожатого пройти
Полями мин рогатых не надейся.
В пятнадцать тридцать лоцманам вести
Проходом минным либерти «Одесса».

* Снежница – скопление талой воды или пропитанного водой снега на поверхности льда.

Страной оплачен золотом презент
Ленд-лизовский –
На палубе «Шерманы»*.
И крепят над пробоиной брезент
Отчаянные парни – мореманы.

Их можно видеть в хрониках тех лет,
Где шли конвои в северных районах
В разрывах бомб и росчерках торпед...
Там «Мессеры» валил из эрликонов**
Советский доблестный торговый флот!
Мы вечно будем помнить подвиг павших!

Пробоина под пластырем. И вот
Идёт «Одесса» в город Петропавловск.

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПОРТ

1

Грузчиков бригада –
Женская краса.
Им силёнок надо б.
Спрятана коса
Под ушанкой-шапкой.
В мачтах ветра шум.
Ходят трапом шатким
В пароходный трюм.

* «Шерман» – основной американский средний танк периода Второй мировой войны.

** Эрликон – зенитная автоматическая пушка калибра 20 мм.

Стянуты фигуры
Шалью и ремнём.
Слабые натуры,
Тащат куль вдвоём!
Милые принцессы,
Некогда грустить,
Трюмы на «Одессе»
Надо разгрузить.
Слабой быть негоже.
«Эй, поберегись!»

Куль – мешок рогожный.
Неподъёмный рис.

2

Вдоль забора торгового порта,
Где от лаги отбита доска,
Возвращались устало с работы
Вместе с Ольгой печаль да тоска.

Силы кончились. Все, без остатка, –
Сколько тяжестей можно носить?..
Невесёлая доля солдатки,
Впрочем, так повелось на Руси.

«Ну и что?
Не беда, что устала.
Надо к дочкам скорее домой.
Я пока что старухой не стала,
Надо всё-таки быть молодой!»

Прочь печали, нужду и тревогу.
Я от всех свою боль утаю,
Словно Стрелка спою в “Волге-Волге”
Молодёжную песню свою.
Пусть смеются красавицы-дочки!
Заждались мать с работы, небось...»

Кто-то сзади обнял.
И заточка
Телогрейку проткнула насквозь.

Всколыхнуло озябшую душу:
«Вот, явился он, смертушки час...»
Но ползёт шепоток:
«Дорогуша,
 Попрошу вас пройтися до нас».

3

За брёвнами скрывается лазейка.
В подвальном помещенье потайном
На лавках в майках развалились зеки
И поседелый урка за столом.

«Поди сюда.
Эк, как тебя колотит.
Смотрю,
Да ты для ласки не стара».

«Я с вами, мужики, с-с-совсем не против.
Но дети запаperti...
К-к-кормить пора...»

И по стенам под злой разгульный хохот
На Ольгу тенью поползло зверьё.
И рвётся обезумевшая похоть,
И взглядом раздевает мужичьё.

«Кончай базар, – промолвил урка старый. –
Довольно, шмара, кружева плести.
А ну, Жиган, сгоняй к ней на кошару –
Какие у ней дети запаperti?»

...Пришёл Жиган.
«И правда, двое деток.
Я волосы подрезал с их голов.
Взгляни в натуре».
«Отпустите девку!
Нам западло чморить сирот и вдов!»

4

Спотыкаясь, к бараку бежала,
В кровь коленки разбив по пути,
Как от страшного сна, из подвала...
«Мама, мама, мы кушать хотим!» –
У дверей закричали девчонки.
И несведущему не понять,
Почему у обеих из чёлки
Кто-то выстриг неровную прядь...

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПАПАНИН,
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

Контр-адмирал, Герой двух Звёзд Союза,
Полярников и моряков кумир,
Папанин возле якорного клюза
Планёрку на «Одессе» проводил:

«На все работы вам тринадцать суток.
Чтоб каждый день с утра и до утра!
Потом желаем либерти
Семь футов
Под килем и попутные ветра!

Не нужно показух и фейерверков,
А надо эффективным сделать труд.
И чтоб рабочий был на судоверфи
Накормлен досыта, одет, обут.

Зерно придёт в негодность, вероятно.
Из трюмов всё, что есть, наверх поднять,
И рис раздать всем жителям бесплатно,
На каждого по килограммов пять».

В то утро было холодно и мглисто.
Все ожидали, что циклон придёт.

«Скажи, парторг,
Здесь много коммунистов?»

«Всем коммунистам –
Сделать шаг вперёд!»

ДЕНЬ 26-й ГОДОВЩИНЫ ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ, 7 НОЯБРЯ 1943 г.

1

С утра: «Вставай, проклятем заклеимённый...»
Сегодня праздник!
Можно без забот
Рис просушить подмокший и солёный
На противнях.

И праздничный народ
Идёт толпой послушать репродуктор.
Как странно быть свободными от дел.
И вдруг, как гром над городом и бухтой:
«Освободили Киев в этот день!»

Пусть говорят, что где-то рай и ад есть,
Как ходят рядом правда и обман,
Не разделить порой печаль и радость...
И Ольга плакала и обнималась.
И вдруг обнял её в толпе... Жиган.

«Откуда взялся ты?
Да как ты смеешь!
Пошёл отсюда, непутёвый, вон!»
Наотмашь по рукам его, по шее,
Так, что зашибла сгоряча ладонь.

«Спасибо! Не жалею.
Бей крепче, Оля!
Мне, верно, так и надо, дураку.
Пусть раны на душе разъело солью,
А я твоим девчонкам сахарку
Принёс.
Они, наверно, будут рады...
Я добрый.
Подтверждаешь, корефан?» –
Он повернулся к мужику, что рядом
Стоял, держа фанерный чемодан.

«О доброте твоей, Жиган, я слышал.
Такой ты добрый, аж не вмоготу!» –
Ехидно усмехнулся Рыбин Гриша,
Биндюжник в Петропавловском порту.

2

Торжественная часть была недолгой.
И вот уже на сцену впопыхах
За грамотой почётной вышла Ольга
В начищенных кирзовых сапогах,
Себя одним вопросом озадачив,
Не слыша поздравительных словес:
«Дадут ли мне за грамоту в придачу,
Как всем, на платье жёлтенький отрез?
А вдруг дадут хлопчатый грубый “демис”?
Его на ситчик можно поменять.
Глядишь, вот так бы мы и приоделись.
...И что мне дали?
Не могу понять...»

К почётной грамоте вручили свёрток.
«Хоть посмотреть, что там. Пора домой».
Чужие буквы на пакете стёрты,
Но под жгутом подклеено письмо.

Ей пишут иностранными словами!
Как хорошо, что с Ольгой по пути
Шёл старый капитан.
«Максим Иваныч,
Пожалуйста, письмо переведи».

3

«Здравствуй, незнакомая подруга!
Я из Сан-Франциско – Джонсон Анн.
Я тебе протягиваю руку,
Руку дружбы через океан.

У меня сегодня в доме счастье,
Наши жёны ждут с войны мужей,
Муж мой награждён был за участие
В битве у атолла Мидуэй.

Упаси Господь от доли вдовьей,
Как в моей, так и в твоей стране.
Я делюсь с тобой своей любовью
И купила платьице тебе.

Может быть, и встретимся друг с другом,
Верю, для Победы хватит сил.
Будь здорова, русская подруга!
Если подошёл размер – носи».

4

В синем шёлковом платье в горошек
Закружил в тесной комнатке вальс.
Помнишь, Ольга, –
Любимый, хороший
В сорок первом тебя целовал?

Вот бы зеркало было повыше,
Чтоб увидеть себя во весь рост.
Отчего грудь прерывисто дышит
И слегка приоткрыт алый рот?

Неожиданно щёки пылают,
И поёт, и трепещет душа...
Ну какое ж нарядное платье!
И размер подошёл!
Хороша!

5

В бараке тишина. Уснули дети.
Печь не остыла. В комнатке тепло.
В коптящей керосинки тусклом свете
Выкраивает Ольга за столом
Два платья. Ложатся ровно строчки,
На дорогой в горошек тонкий шёлк.
Обрадуются завтра утром дочки...
Как хорошо сегодня день прошёл.

Вдруг стук в окошко, тихий, осторожный.
Кого-то Бог прислал – к добру ль, к беде?

И шёпот за окошком: «Ольга, можно?
Есть по секрету разговор к тебе».

Явился гость негаданный-нежданный,
Точь-в-точь любовник,
Но никем не зван,
Стоит в дверях с фанерным чемоданом
Опять персоной собственной Жиган.

«Сейчас уйду. Я только на минутку.
Не потревожу сон твоих детей.
Мне б чемоданчик сохранить на сутки.
Оставлю? Может быть на пару дней...
А где ж такие платья ты достала?
В них можно хоть на танцы, хоть в концерт...»
«Мне Анна из Америки прислала!» –
И показала с адресом конверт.

БУСЫ

1

«Ой, коса моя густа, длинна и руса.
А в глазах моих, как небо, синева.
Мне б надеть на шею голубые бусы,
Да с войны супруга в губы целовать.»

Не нужны мне жемчуга да изумруды,
Дайте камушков небесной бирюзы.
Я любимого навеки не забуду.
Никогда о нём не уроню слезы.

Я голубенькие пуговицы отрежу,
Нанижу их на суровую на нить.
Мой любимый письма пишет мне всё реже.
Буду ждать да бусы-пуговицы носить».

2

«Треугольное посланье почты полевой написали и послали не его рукой. Попрошу мою подружку вслух его прочесть, только чтоб была хорошей присланная весть:

*Ольга, скоро домой возвращаюсь.
Друг черкнул за меня пару слов.
В первых строчках письма сообщаю,
Что частично я жив и здоров.
Как соскучился я по дочуркам,
Как хочу на тебя посмотреть.
Я в сраженьи под городом Курском
Чудом в танке сумел не сгореть.
Извлекли из горящего люка.
Ничего у меня не болит.
Но отрезали правую руку,
Хошь не хошь, я теперь инвалид».*

«К Ольге скоро муж приедет. Ольге повезло. Пишет муж, что только чудо жизнь его спасло. Раскрасавицею стала, только погляди. Вон, лазоревые бусы носит на груди».

ВИЛЮЧИНСКИЙ ВУЛКАН

1

Заделана пробоина «Одессы»,
Швов сварочных не видно и вблизи.
А завтра надо все тяжеловесы –
Стальной прокат и танки – разгрузить.
Потом – на Ахомтен и Сан-Франциско,
Там загрузить ленд-лиз,
И всё на фронт.
Всё для победы с нечистью фашистской!

А в городе гуляет всякий сброд.
Шептались бабы, что какой-то Гриша
Сегодня по фальшивой накладной
Пытался вывезти телегу риса,
Но был задержан ВОХР* на проходной.

2

С утра подул восточный влажный ветер,
А значит, ночью будет ураган.
Стемнело.
В двери постучал под вечер
Взволнованный, взъерошенный Жиган.

«Прощай! Меня ты не увидишь больше.
Мне масть пошла! Я буду вдалеке
Жить-поживать с моей фартовой ношей», –
И чемоданчик привязал к руке.

* ВОХР – военизированная охрана.

«А ну, давай, показывай карманы!
Сейчас ты мне попался на вранье!
Зачем, Жиган, ты взял конверт от Анны?»
«Да на кой ляд конверт ваш сдался мне!»

3

Выпал снег в Паратунке по крыши.
И в лесу снег пушист и глубок.
У охотника выпросил лыжи
Опоздавший на рейс морячок.

Он с фанерным пришёл чемоданом,
Руки в брюки, вразвалочку шаг...
Лишь вчера его звали Жиганом,
А сейчас его кличут Моряк.

«Ну, моряк, с вами просто беда нам.
Торбаса бы заместо сапог.
Будет тяжело идти с чемоданом,
Переход к Ахонтену далёк.

Завтра выйдем с утра. Путь к вулкану.
Там направо тропинка пойдёт
И ложбиною до океана.
Будем к вечеру, коль повезёт».

4

Допоздна гость с хозяином пили,
Кулаками стучали об стол.
Притворялись, что пьяные. Лили
Спирт на грязный некрашенный пол.

Было затемно. Пьяный матросик,
Обессилев, упал на топчан.
Куртку волчьёю на плечи набросив,
Вышел в сени охотник. Не пьян,

Он пошёл в направлении посёлка,
В бороде серебрился мороз.
Не почувствовав, как втихомолку
В спину финкой ударил матрос.

5

Вилючинский вулкан багрит заря.
За перевалом прячется Мутновка.

«Вчера я падлу замочил не зря,
Иначе бы сейчас сидел в ментовке.
Вот, обхожу Вилючинский вулкан,
До Ахонтена путь ещё не близкий.
На либерти “Одесса” в океан
Я завтра ухожу на Сан-Франциско.
Прощайте, уркаганы-кореша!
Кому-то Штаты, а кому и “вышка”!
Со мною чемодан, и ни гроша
Отныне не увидит Рыбин Гришка.
У-rrr-aa!
Сво-бо-о-да!
Де-е-ньги!
Жизнь вольна!!!
Совдепию я навсегда покину!»

Ударил воздушная волна,
И с гулом покатило вниз лавину.
Крутило, словно в мясорубке, снег...

Морозным утром, солнечным и ранним,
В лавину втягивался человек
Привязанным фанерным чемоданом.

ГАЗЕТА «КАМЧАТСКАЯ ПРАВДА»,
10 ДЕКАБРЯ 1943 г.

За расхищение социалистической собственности – к расстрелу

Продолжительное время в Петропавловском порту орудовала шайка воров, систематически занимавшихся расхищением социалистической собственности. Воры, руководимые Г. К. Рыбиным, расхищали ценные грузы. За сентябрь, октябрь 1943 года похитили рулон шерсти в количестве 55 метров, ящик сливочного масла весом в 45 килограммов, два ящика мясных консервов, мешок муки и ящик сала-штиг весом в 108 килограммов.

Расхитители социалистической собственности пойманы с поличным и на днях предстали перед трибуналом.

Трибунал на основании Закона от 7 августа 1932 года приговорил Рыбина Григория Кондратьевича к высшей мере уголовного наказания – расстрелу.

Остальных членов шайки – к лишению свободы сроком на десять лет и поражением в избирательных правах сроком на три года каждого.

г. ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ,
ПЛОЩАДЬ им. В. И. ЛЕНИНА,
9 МАЯ 2000 г.

Перебирая минусы и плюсы,
Ища «что делать?» и «кого винить?»,
Я девушку увидел в странных бусах
Из пуговок, нанизанных на нить,

Вплетённых удивительным узором,
Как фенечка из ниток мулине
Зелёных, голубых и бирюзовых.
Достоин и приемлемо вполне.

Мы на скамейке рядышком сидели.
«Позвольте, незнакомка, вас спросить.
Не много видел я таких изделий.
Где можно мне подобное купить?»

«Спасибо. Сувенир такой, боюсь я,
Ни за какие не купить рубли.
Из бабушкиных пуговичек-бусин
Мы с мамой вечерами их плели.

История длинна, и занимать я
Так долго ваше время не рискну...
А пуговики – с ленд-лизинговского платья,
Его вручили бабушке в войну.

Теперь я достаю их в День Победы
И надеваю, моде вопреки, –
В них бабушка с войны встречала деда,
Он был танкист. Вернулся без руки».

«Ты вспоминаешь бабушку всё время.
Я вижу, что в глазах твоих печаль».
«Они ведь с дедушкой такое время
Перенесли на собственных плечах!

Они страну великую создали,
Их славил Труд! Они не батраки.
Я всё храню: их грамоты, медали...
Родители, конечно, слабаки –

Не сохранили мощную державу,
Отдали грабить наш богатый край.
Лишь чемоданы денег им по нраву...
Да в зависть состоявшийся Китай».

И я тогда подумал – чем не тема?
Достал из куртки ручку и блокнот –
Вот так и родилась моя поэма
Про чемодан и сорок третий год.

25 декабря 2019 г. – 31 января 2020 г.

Ихтис

Венок сонетов

I esous	И исус
C Hristos	Х ристос
T Heou	Т (Сын)
Y ios	И (Божий)
S oter	С паситель

1

Бессонной ночью пусть украсит стих лист,
Где я хочу вам рассказать о том,
Как рыбою в верховья рек Христос
Идёт, а по течению – Антихрист.

Течением влекомому идти вниз
Гораздо легче, чем пройти поток
Бушующей стремнины. Но исток
Реки хрустальной – это будет их приз!

Им крест по силам, вере и отваге!
Они икрой отметили свой след,
Чтоб шли потомки по пути побед

Лососей! А не камбалы с навагой...
Я излагаю мысли на бумагу.
Да сохранит бумага много лет.

Да сохранит бумага много лет
 Написанные наспех эти строки,
 Где мыслей турбулентные потоки,
 Где океан таинственен и сед.

Глобальным потеплением согрет
 Лёд Арктики с Антарктикой. В итоге
 Растает он. Спаситесь удел немногих,
 О чём успеет написать поэт.

Библейская история простая,
 Реальный увлекательный сюжет...
 Ковчега нет. И Ноя тоже нет.

И Арарат в морских глубинах тает.
 Пусть сохранится идолом Хантаем*
 О Рыбе незатейливый сонет.

* Идол Хантай – божество ительменов с телом человека и хвостом рыбы.

О рыбе незатейливый сонет.
 Той первой рыбе, древней кистепёрой,
 Которая на плавниках-опорах
 Ползла на жизни зов среди камней.

Чарльз Дарвин! Путь от рыбы до людей
 Не прост... и вызывает много споров...

Но память вдруг взрывается, как порох.
 А жизни зов всё громче, всё острее.

Он в реки гонит рыбу всё быстрее.
 Её не остановит даже дрифтер*.
 Как вылет к звёздам на безумном лифте,

Зов в подсознание, в плавниках, в икре...
 И есть тому название на земле,
 На древнегреческом звучит как *ихтис*.

* Дрифтер – рыболовное судно.

На древнегреческом звучит как *ихтис*,
 По-русски – рыба, по-английски – фиш.
 Одним по нраву Лондон и Париж,
 Другим – в тайге под елью или пихтой

В лесной избушке жить спокойно. Их-то
 Хранит неведение до поры.
 Шагни за дверь, как в споре, на пари.
 Пора. И сделай выбор в этот миг ты!

Пришедший на Восточный космодром,
 К иллюминатору лицом приникни.
 С планетою Земля простись. И крикни:

«*Поехали!*» – сквозь дюз рычащий гром,
 Грядущее предчувствуя нутром –
 Эпохи Рыб космические вихри.

Эпохи Рыб космические вихри
 Неудержимо в небеса влекут.
 А реки на Земле в моря текут.
 Там *ихтис*, словно имя в акростихе,

Иисус Христос, Сын Божий, нас спасти Ты
 Пришёл в сей мир. Свершится Божий Суд.
 Коль не дела, так мысли нас спасут.
 Не по делам, по мыслям – осудите.

А если в голове дым коромыслом,
Сужденья черная из забытых газет,^{*}
 Ты в диспуте уже не оппонент

И в тленной жизни не находишь смысла.
 Не квантовый буран, а наши мысли
 Взвивают пыль созвездий и планет.

* Монолог Чацкого. А. С. Грибоедов, «Горе от ума».

Взвивают пыль созвездий и планет
 Молитвы и послания земные
 В миры невероятные иные,
 Доступные в мечтаньях и во сне.

Приходим мы незваными извне
 С тоской о Человеческом, о Сыне.

Следы рельефные видны доньше
 От Армстронга ботинок на Луне.
 Мы побеждали. И бывали биты.
 Противники, достойные вполне,
 Задействовали прессу, интернет...

И нет конца с нечистой силой битве.
 «Где двое, трое – *Я среди вас в молитве!*»*
 Не гаснет в римских катакомбах свет.

Не гаснет в римских катакомбах свет.
 Потрескивают свечи восковые.
 И рыб изображенья вековые
 На стенах, как из прошлого привет.

Здесь Рыбы как пароль или билет
 В один конец в те годы роковые.
 Как дежавю – молились здесь не вы ли,
 Блаженные, не убоявшись бед?

Здесь христиане падали от ран.
 И убивали сотнями не их ли...
 Они своих мучителей простили.

И наблюдал пресыщенный тиран
 Из ложи на голгофу христиан.
 И в Колизее зрители притихли.

* «Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» (Евангелие от Матфея 18:19,20).

И в Колизее зрители притихли,
Увидев берберийских злобных львов.
И на арене снова страх и кровь.
Не может быть, чтоб зрители привыкли

Смотреть, как христиане-горемыки
Идут на смерть. Ведь жизни вечный зов
Смиренье прославляют и любовь,
Но не рычанье львов и смертных крики.

А ведь совсем недавно в суматохе
«Осан-на!» – радостно кричали все.
Царь иудейский ехал на осле.

Он на кресте распят. Что ж, *несть пророков*
В отечестве своём. По воле рока
Мессия утверждался на Земле.

Мессия утверждался на Земле.
Шёл между чёрно-белым, как по грани.
Между осанной и потоков брани
В предчувствии рассвета в полумгле.

За ночью – день. Вслед за добром во зле
Проходит время. Желчь сменяет манну.
Камо грядеши Ты, Господь, в тумане?
И нет секрета в Гордия узле.
Руби узлы на пристани мечом!
О прожитом и прошлом не жалея,
Рискни и отпусти себя. Смелее.

И добрый путь! Сомненья нипочём.
Ладья уже уходит, чёт – нечёт,
Над синим морем парусом белея.

Над синим морем парусом белея,
Идёт ладья волне наперекор.
Крикливых чаек праздничный эскорт
Её сопровождает, в небе рея.

Поймали в парус резвого Борей
И сети ловчи подняли на борт.
Пора с уловом возвращаться в порт.
Крест на ладье, из мачты и из реи.

Да, много будет рыбалям препон.
Кресты с распятыми вдоль по аллее...
Запомни рыбаблей из Галилеи,

С их лиц ещё не писано икон.
Но радуга сияет в брызгах волн,
Ловцам премудрым Святой Дух являя.

*Ловцам премудрым Святой Дух являя
Благословен Ты, Христе Боже наш!
Язычников приводят в дрожь и в раж
Распятие Петра и крест Андрея.*

Им не дано в покое жить, старея.
Возможно, для кого-то эпатаж,
Что не помог апостольский их стаж,
В их память не воздвигли мавзолея,

Не дали им за муки и за раны
Ни долларов, ни фунтов, ни рублей...
Для них – сияют купола церквей!

В их честь по миру – благовесты храмов!
Не это ль им достойная награда –
Вселенную сетями уловлей!

*Вселенную сетями уловлей,
Апостолы, держа в руках кормило,
На разных языках несут по миру
Благоую Весть врагам и для друзей.*

Всем рыбам, от акул до пескарей,
Жить, но не сотворить себе кумира.
Морских глубин тихоням и задирам
Не миновать апостолов сетей.

И разом на свои места всё встало.
Потомки и рабов, и королей –
Все стали терпеливей и мудрей,
А значит, было сделано немало...
Увы, эпоха Ихтис миновала.
Уходят рыбки в глубь иных морей.

Уходят рыбки в глубь иных морей,
В потоках века чешуёй блистая,
Со всех концов Земли сбиваясь в стаи
Над ломом затонувших кораблей

И городов, просёлков и полей,
Всё худшее на берегу оставив.
Там, где Иуда старый и усталый –
Один, как перст, – плетётся, лицедей.

Пустая одинокая Земля,
Где тускло светит Солнце и не греет.
Но рыбаки, как прежде, не старея,

Поймали ветер в парус корабля.
И в стае Рыб идём и ты, и я
Вслед за Христом в эпоху Водолея.

Вслед за Христом в эпоху Водолея
 Уходят наши души и сердца.
 И нет тому начала и конца.
 Какие мы потоки одолели!
 Дожди живительные, воду лейте,
 Смывая слёзы радости с лица.
 Святаго Духа, Сына и Отца
 Во имя непрестанные моленья!

И рыбки стайкой плещутся у ног
 Отца и Сына в реках – Лета ль, Стикс ли.
 Пора, мой друг!

С бессмертием мы свыклись...

...В рассвет зовёт будильника звонок.
 Сонетов замыкаю я венки.
 Бессонной ночи пусть украсит стих лист.

Магистрал

Бессонной ночи пусть украсит стих лист.
 Да сохранит бумага много лет
 О Рыбе незатейливый сонет.
 На древнегреческом звучит как ихтис.

Эпохи Рыб космические вихри
 Взвивают пыль созвездий и планет.
 Не гаснет в римских катакомбах свет,
 И в Колизее зрители притихли.

Мессия утверждался на Земле,
 Над синим морем парусом белея,
Ловцам премудрым Святой Дух являя,

Вселенную сетями уловлей.
 Уходят рыбки в глубь иных морей.
 Вслед за Христом в эпоху Водолея.

8–28 октября 2018 г.

Нижнекамчатские песни о землепроходцах

К 325-летию присоединения
Камчатки к России

*Памяти дальневосточного поэта
Виктора Ераценко*

ЗАПЕВ

1

Температуру.
Воспалённый мозг
пытается вернуть меня на землю,
в компанию строительную «Мост»*,
что строит мост внеклассный** через Зею
в два километра двадцать шесть опор...
На всё про всё отпущено три года...
Оставим беспредметный разговор –
я выбираю реки и болота,
где брёл я – работяга мостовой –
вдоль Зеи, Мульмуги и Дымкоуля***...

* АО «УСК Мост» – ведущий российский представитель строительной индустрии, созданный в 1991 г. в результате объединения Мостотреста-10 и Мостоотряда-55 (участников строительства Байкало-Амурской магистрали).

** К внеклассным отнесены мосты, тепловоды и эстакады с пролётами свыше 100 м, или полной длины свыше 300 м с пролётами свыше 60 м, или полной длины свыше 500 м.

*** Зея, Мульмуга и Дымкоуль – реки в Амурской области на участке строительства Байкало-Амурской магистрали.

Под «бамовкой»* с Высоцким...
Молодой...
Уже лет сорок с той поры минуло.
Давно нет моего мостоотряда,
но голову кружит от перспектив –
мосты от Крыма выстроились рядом
на Сахалин,
на Берингов пролив!

2

Рано утром мечтают мосты.
Над рекою клубится туман.
Светаёт.
В тишине, как мираж,
как обман,
мосты пролетают.
Есть в природе таинственный зов,
и на север гусиные стаи
поднимаются за горизонт
с полуптицами-полумостоами
в эпохальный реальный простор,
ноосфере планеты внимая...
Так скажите, что всё это вздор
и такого нигде не бывает,
и что должен быть мост невесом
для полётов...

Значит, это всего лишь был сон
О полётах пролётов.

* «Бамовка» – зимняя куртка.

3

Становится всё краше Благовещенск.
О берега лениво волны плещут.
Возводится над Зеей новый мост,
взмутив придонный ил –
апофеоз
процесса погружения опоры.
Дабы не загрязнить водозабора
компрессоры откачивают ил,
рева на всю округу, что есть сил.

На фланцах труб затягивая гайки,
стоял мостостроитель Алекс Вайгандт
в резиновых по пояс сапогах.
Вода и ил бурлили.
На волнах
мелькала вся облепленная тиной
поднятая со дна реки пластина.
Она всплыла неожиданно из-под ног,
наткнувшись на резиновый сапог.

На Первомай – Великий день Субботы*!
Однако – *первым делом самолёты***!
А *девушки* и Пасха?
Всё – потом...

* Великая Суббота 1 мая 2021 г., после Страстной Пятницы 30 апреля 2021 г. (день святого преподобного Зосимо Соловецкого) и накануне Святой Пасхи 2 мая 2021 г.

** «Первым делом, первым делом самолёты. Ну а девушки? – а девушки потом!» – слова из песни, написанной в 1945 г. поэтом Алексеем Фатьяновым и композитором Василием Соловьевым-Седым.

А к Вайгандта ногам принёс поток
под V-образным мостовым пилоном
из глуби Зеи древнюю икону
Зосимо и Савватия святых –
«ни сном ни духом» – как удар под дых!

4

Мосты. Они, как мы, – землепроходцы.
Они полны поэзии – мосты.
Они пошли, как мы, навстречу солнцу
вдоль трасс семидесятой широты.

Здесь первыми мы вместе день встречаем
и здесь не постояли за ценой
пришедшие с Чукотки на Камчатку
Атласов со товарищем Лукой
Морозко.
И сейчас маршрутом давним
с Камчатки на Чукотку «Устой-М»
ведёт дорогу в северные дали.
Достойные и песен, и поэм
скульптурной композиции ребята*,
далече им ещё идти пешком –
дорожнику с подборочной лопатой,
мостовику с отбойным молотком.
Они потомки тех землепроходцев.

* На Камчатке есть памятник дорожным рабочим и мостостроителям. Установлен на 208-м километре, на границе Мильковского и Елизовского районов.

В их генной памяти огонь святынь,
энергия напористой пехоты,
ходившей на Париж и на Берлин*.

5

И вот на перепутье двух дорог
задумался.
На корточки присевши,
курю неспешно «Север-северок»**.
Уже немолодой и облысевший,
я шёл с благословенных Соловков.
Боялся не дойти.
Но всё ж успел я –
вон от меня за несколько шагов
стоит нижнекамчатский Храм Успенья***.

Почти что триста лет в своих стенах
стоит сей храм в безлюдье без изъянов.
Построенный за совесть, не за страх
землепроходцем неким безымянным.

Какую новизну грядущих дней
в тайге он терпеливо ожидает?

Возможно, сам покинул он людей? –
не нам судить.

* 31 марта 1814 г. союзная армия во главе с русским императором Александром I вошла в Париж. 16 апреля 1945 г., началась Берлинская наступательная операция, в ходе которой был взят Берлин.

** Папиросы «Север» 1-го сорта В.

*** Храм Успения Пресвятой Богородицы, освящённый в 1741 г.

Господь, Он лучше знает...
– Помилуй меня, Боже, и прости.
Я, блудный сын, пришёл к Тебе с грехами...
Как должно мне себя перекрестить –
шепотью
или же двумя перстами?
А чукчам и корякам как простить
открытия землепроходцев русских?
Возможно, в этот храм мог заходить
драгунского полка майор Павлуцкий*.

Задорно ительмены церкви жгли,
пылал костром острог Нижнекамчатский.
Казачи тот острог перенесли.
И встал он в устье Орат** на площадке.
Увы, на пепелище не найти
Атласова могилу или яму...
Он в том остроге,
души их ети,
зарезан был надёжными друзьями.

Неведомые радость, плач и стоны
корёжат душу грешную мою.
Под горлового пенья обертоны
я вам спою...
Что вижу – то пою!

* Майор Дмитрий Иванович Павлуцкий, железной рукой наводивший порядок на Чукотском полуострове, погиб в марте 1747 г. в битве при реке Орловой.

** Орат (камч.) – река Радуга.

Песнь Первая
МЭНЕРИК ШАРМОРНЭЛ*

Север – это особое место, где встречаются
иные миры.

Мишель Нострадамус

Зов Полярной звезды.
В путь зовёт Мэнерик Шарморнэл!
Все уходят в мерячку.
Оттуда уже не вернуться...
Опустели яранги.
Шаман в иступленье воздел
колотушку в деснице
и бубен в иззябнувшей шуйце**.
Верхний мир озарил
и по небу растёкся всполох.
Свет полярных сияний гуляет
над сирюю тундрой...
Ну-ка, полог яранги откинь
и шагни за порог.
Было много ушедших.
Никто не вернулся под утро.

Мэнерик Шарморнэл,
так дозвожь нам дожить до утра!

* Мэнерик Шарморнэл, мерячение, мерячка (якут.) – Зов Полярной звезды, загадочный полярный психоз, изменённое состояние сознания, при котором люди становятся похожими на зомби, уходят в сторону океана, а после приступа не помнят, что с ними происходило.

** Десница – правая рука, шуйца – левая.

Мэнерик Шарморнэл,
в нижний мир уходит слишком рано.
Засыпает снегами
остывшие угли костра.
По ушедшим в мерячку
камлают и пляшут шаманы.

Там успение ждёт.
Там всех ждёт тишина и покой...

Но с надеждой и верой
уходят из отчего дома
с Одигитрией*,
писанной евангелистом Лукой,
неуёмные люди,
встречь солнцу стезёю ведомы.

Вкупе**:
Устюг Великий!
Эй, Тотьма! Побдети*** в ночи!
Кострома, грясти борзо****,
Дружина всугонь***** с Мангазеи.
Преллагатый***** , смелее вперёд!

* В переводе с греческого – Путеводительница, один из наиболее распространённых типов изображения Богоматери с Младенцем Иисусом.

** Вкупе (устар.) – вместе, сообща.

*** Побдети (древнерусск.) – не спать.

**** Грясти борзо (древнерусск.) – идти быстрее.

***** Всугонь (древнерусск.) – вдогонку.

***** Преллагатый (древнерусск.) – разведчик.

Сквозь туман различи –
где взыскания Града грядущего*
святые земли.

С благим поприщем, други!
Вовеки вам – иже еси**!
Со свечой к Одигитрии благостной
в церковь спешу я
и шепчу: «Божья Мати!
Их грешные души спаси!»
...И двуперстьем –
 чело,
 перси
 и одесную – ошую*** ...

Песнь вторая ЛУКА МОРОЗКО

1

Чёрным лесом вдоль могил
бродит Белый Юкагир****.

* «Взыскую грядущего града» – о людях, ищущих лучших форм жизни, социальной справедливости. Выражение возникло из евангельского текста: «Не имамы бо зде пребывающего града, но грядущего зыскуем».

** Иже еси – сущие.

*** Чело, перси, одесную, ошую – лоб, грудь, право, лево.

**** Белолицый предок племени юкагириков, ушедший жить в подземный мир.

Выглядывают свистуны*
у него из-за спины.

Седину его взвивают,
в космы ленточки вплетают,
ловят путников в ночи.
Ой, поди-ка, докричи –
«Берегись, Лука Морозко!»
Ветер взвыл и рыкнул грозно,
снег взметнулся до небес,
засвистел безумный лес.

И олени – на колени,
и посыпало снега.
По небесному веленью
разыгралась вдруг пурга.

Надо прятаться под нарты,
завернуться в зипуне.
Уплотняет ветер настом
над Лукой пушистый снег.

«Сохрани, Господь, во сне!»

2

Глаза слипаются...

отец совсем не старенький
меня, мальчика, за руку бережно ведёт.

* Обратни, причиняющие зло людям (в фольклоре народностей Чукотки и Камчатки).

Зовут его Семён по роду Старицын,
который год всё ждёт меня.
Который год
Великий Устюг проступает издали.
В течении спокойна Юг река.
А вон сидят былинники на пристани,
певают песни про Иртыш и Ермака:
*«Ох, поехал Ермак Тимофеевич
Со своими казаками в ту сторону Сибирскую.
Ох, Ермак, не ходи в Сибирь,
Там злой царь Кучум...
Ох, Ермак, Ермак...»*
Бегу домой, зарёванный и маленький –
до слёз мне жалко атамана Ермака.
А дома приласкает меня маменька.
Из детства вдаль течёт-петляет Юг река...

3

С отцом ходили по Двине исконно
мы на Архангельск и на Соловки.
Монахи даровали нам икону
по меди, где благие старички
святейшие Савватий и Зосимо,
дабы в пучине нам не утонуть,
за мореходов молятся, вестимо,
бывальцев* провожая в добрый путь.

* Бывальцы (простореч.) – те, кто много видели и испытали.

Я, холостым казаком, шёл к челдонам*
в сибирские края от мест родных.
И сердце прикрывала мне икона
Зосимо и Савватия святых.

Шёл по сибирской стороне не медля.
А как остался жив-здоров и цел –
напоминают вмятины на медной
иконе
от копья и вражьих стрел.

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ. 1676 г.

1

*Осьмой как год в монастыре сидельцы
исправленные книги жгут дотла.
От еретиков лживая идея
пришла на Русь,
чтоб на латинский лад
над православной верой надругаться.
Их книги еретические лгут.
«Доколе нам терпеть их козни, братцы!» –
монахи и бельцы** зачали бунт.*

*Хоть взгод от ирода-царя не ждали,
но как пришли стрелецкие полки,
на год осьмой сидельцы оцинжали,
в бессилии сжимая кулаки.*

* Так называли первых поселенцев в Сибири и их потомков.

** Бельцы – миряне, не имеющие намерения посвятить себя монашеской жизни, а просто удалившиеся от мирских сует на житьё в монастырь.

*«Эх, пропадайте, радости-печали!
На всё про всё у нас один конец!»
И заряжали разинцы* пищали,
в стволы вбивая гибельный свинец.*

2

*А глаза воеводы навывкате,
Его имя Иван Мещеринов.
А сидельцы кричат: «Накось, выкуси!»,
и со стен крепостных – материциной.
Воевода идёт победителем,
Ухмыляется, гладок, плечист, –
тайный лаз в Соловецкой обители
нынче выдал чернец** Феоктист.*

*В ночь стрельцы из Великого Устюга,
Феоктистом-иудой ведомы,
в тайный лаз незамеченно спустятся.
Испоганят кровавым содомом
ростись храмов.
Пришельцы незваные
возликуют в морозной тиши,
и порубят тела православных
их
окровавленные бердыши.*

* Участники восстания под предводительством Стеньки Разина, сосланные в Соловецкий монастырь.

** То же, что монах.

4

Над Елюеной* вой, как волчья песня.
Уж, если горевать, так горевать.
Всех обезглавили за крест двуперстьем.
Везде раскол.
И дым тлетворный над
приходами и храмами России.
Ворота открывай, пришла беда.
Вставайте, устюжане и двинские, –
слабо за други животы отдать?
Нет большей той любви –
положим души
свои за други – так учил Господь.

Пришёл в острог Якутский.
И в церквушку.
Свечу перед иконой.
И шепоть
зажал в кулак.
Потом к челу – двуперстьем.
«Ой, окаянную и буйную
жизнь остени**, Господь!»
Потом на перси.
Одесную.
И ошую...

Глядели, ухмыляясь, ротозеи,
как с плеч рванули праздничный кафтан.

* Елюена (эвен.) – большая река. Река Лена.

** Остенить (древнерусск.) – огородить стеной, защитить.

И ба-
то-
га-
ми...

А потом по Джеэ*
сослали в дальний путь
на Соктохан**.

Взмахнул рукой из отходящей лодки,
и на прощание в последний раз
я прокричал Атласову Володьке:
«Не надо лихом поминать, Атлас!»

С Зосимо и Савватием святыми
отправился отыскивать следы
тех мест, где затаились кладовые
месторождений кварца и слюды.

*А на костре в полярном Пустозерске,
другому невадно было чтоб,
сожжён прилюдно проповедник дерзкий.
С двуперстьем к небу.
Грозный протопоп:
«Православные! Коли таким крестом
будете молиться – вовек не погибнете.
А покинете этот крест, и город ваш
песком занесёт, а там и свету конец
настанет! Стойте в вере, детушки!*

* Джеэ (эвен.) – лезвие. Река Зея.

** Соктохан – горный хребет, расположенный на Дальнем Востоке России, в Амурской области.

*Не поддавайтесь лести слуг
антихристовых...»**

5

Страна моя – бескрайняя Московия.
А, стало быть, зовусь я – москвит!
Москва – везде. Уже во рту оскомина.
Слюду – и ту называли мусковит.

Как во хмелю, на кручах Соктохана
стоял.
Я знал, сюда я доберусь.
Там, под ногами, в глубине тумана
клубилась неразгаданная Русь.

С Якутского острога и доселе
прошёл тайгой и множеством долин
увидеть, как в Амур впадает Зея,
Даурию и крепость Албазин...

О, Господи! Ты только знаешь, Сущий, –
аз же есмь червь иль человек такой?
Так подскажи мне, где он, Град грядущий,
сходящий с неба Город золотой!

Там за слюдой подёрнутым оконцем
в хрустальном тереме живут, как встарь,
луна и звёзды, юный месяц, солнце
и неба всемогущий Государь.

* Последние слова протопопа Аввакума при сожжении на костре 24 апреля 1682 г. в г. Пустозерске.

И легче путь, когда идём и верим,
что где-то есть заветная земля,
где на горе стоит высокий терем
из золотой слюды и хрусталя.

АЛБАЗИН. 1687 г.

*Полковник Бейтон –
ландскнехт, прусский рейтар* –
из доблестных Московии мужчин.
Тебя восславят барабан и флейта –
ты отстоял геройский Албазин!*

*Ввысь не бросали чепчики и розы,
и не кричали женщины: Ура!**
Стекали по усам обвислым слёзы.
Пришёл указ, что Албазин утра-
чен нами.
А китайцам и маньчжурам,
бежавшим без оглядки и портков,
мы возвращаем берега Амура.*

*Что ж, дипломаты разумеют толк
в победах, поражениях и славе.
Они-то точно знают – что почём.*

*Им не понять тех,
кто в казачьей лаве
рубился саблей или палашиом.*

*На берегах широкого Амура
Лежат семьсот героев, как один,
две с половиной тысячи маньчжуров
не пропустивших в русский Албазин.*

*С трудом на костылях полковник Бейтон
поднялся на крутой амурский кряж.
Не веря, что утрачена победа,
в бушующий Амур швырнул палаш:
«Так не бывает нам больше в Албазине,
как палашу судьба здесь утонуть!»
И казаки смотрели, рот разинув, –
плыл по Амуру несколько минут
палаш, исторгнутый из вод стремниной.
Потом поднялся над волной эфес,
как в память о героях Албазина
по душам павших вознесённый крест.*

6

*Божия Матушка
Албазинская!**

* Афанасий Иванович Бейтон – русский военачальник, дворянин Московского списка, иркутский казачий голова (до 1701 г.), забытый герой обороны Албазина 1686 г.

** «Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали», – крылатое выражение из комедии «Горе от ума» Александра Сергеевича Грибоедова.

* Албазинская икона Божией Матери «Слово плоть бысть» – почитаемая в Русской церкви икона Богородицы, святыня русского Приамурья. Время и место её явления неизвестны. Своё название она получила от крепости Албазин (ныне село Албазино) на Амуре, основанной в 1650 г. Ерофеем Хабаровым.

День и ночь чёрный поп* Ермоген
умоляет любовь материнскую
пред Тобой, не вставая с колен:

*«...Пред чудотворною иконою Твоею
предстояше, отцы наши молиша Тя, да
явиши покров Твой и заступление стране
Приамурстей. Темже и мы ныне молим
Тя: град наш и страну сию от нахождения
иноплеменных соблюди и
от междоусобных брани сохрани...»*

«Даруй мир и плодов изобилие,
стариков и детей пожалей.
И заклятых врагов во всесилии
Отгони от пшеничных полей.

Сколько от Албазина до Нерчинска
вёрст, беды да печали людской.
Сохрани нам на Нерче** на реченьке
тишь да гладь, благодать и покой.

Мы икону твою чудотворную
унесём по тропинкам глухим
от злодея подальше и врага.
От Амура вдали сохраним».

* То же, что иеромонах (устар.).

** Нерча (эвенк.) – река, указывающая путь.

«Зосимо и Савватие, прескорбно
рискну вас, преподобных, испросить –
позвольте Албазинскую икону
иконой Соловецкой заменить.

*“О, преподобные отцы, велиции заступницы и
скорие услышателие молитв, угодницы Божии
и чудотворцы Зосимо и Савватие! ... Молим убо
вас, о преподобнии, избавите ны от огня и меча,
от нашествия иноплеменников и междоусобных
брани...”*

Пожнут потомки то, что мы посеем.
И, на коленях стоя, потому
я, о содеянном не сожалея,
икону снял с груди
и вверил Зее –
пущай волна несёт её в Амур,
чтоб били там, как шведов, богдыхана*!

А мне через долины и хребты
пора идти в острог от Соктохана
с образчиками кварца и слюды...»

Был из Якутска послан на Анадырь.
На самый дальний краешек Руси –
Ну что ж, Лукашка, так тебе и надо.
Живи – не верь, не бойся, не проси.

* Богд хаан – «священный государь» (монг.), так в русских грамотах XVI–XVIII вв. называли императоров Китая династии Мин (1368–1644 гг.) и ранней Цин.

Ночью не видать ни зги.
Тундра спит, объята снами...
Ищет Белый Юкагир
с прыгунами-свистунами
вдоль дорог и троп ночных –
где Морозко скрыт от них?

Отыскал.
Схватил за ноги –
«Ну-ка, барин, из берлоги!»
И хохочет во всю глотку.
Приоткрыл Морозко глаз –
сон слетел –
над ним Володька,
стародавний друг Атлас.

Песнь третья ВЛАДИМИР АТЛАСОВ

1

Два дня пурга выглаживала тундру.
И вот над белой гладью: «Эйя-я!!! Э-эй!».
Зарю по небу разливает утро.
И без хорей* мчится и вожжей –
в Якутск оленья быстрая упряжка.

* Хорей – используемый при езде на оленях шест около 7 аршин длины, на толстом конце которого надето железное копые, а на тонком плоский широкий костяной наконечник; железным концом ездов в случае надобности упирается в землю, а тонким погоняет оленя.

Рванул зипун на шее нараспашку!
Глаза хранят от солнца чарапчу*.
«Эйя-я! Э-эй!» – восторженно кричу.

Сквозь чарапчу мохнатые ресницы
олений вижу с привязью к слеге**
(а то к хорюю).

Словно над гробницей,
торчащей из сугроба, как сэргэ***.

Сугроб разворошил.

Схватил за ноги.

Под нартами – для тела узкий лаз.
«Эй, выбирайся, барин, из берлоги!»
Луки Морозко очумелый глаз
из-под напаяленного малахая
таращился в безмолвье не мигая...

...Потом до слёз Лука Морозко ржал:
«Ну, ты меня, Володька, испужал!
Ещё чуток – стерял бы в пятках душу.
Ну, слава Богу, что с утра живой!
А я ходил намедни в Град грядущий,
сходящий с неба Город золотой!»

«Тот город, что под небом голубым
с прозрачными воротами, как в песне?»

* Чарапчу (эвенк.) – «снежные очки», волосяная сетка для защиты глаз.

** Слега – длинная, большая жердь.

*** Сэргэ (бурят. – «коновязь») – ритуальные коновязные столбы и деревья у бурят, якутов и других родственных народов. Сэргэ означает, что у местности, где оно установлено, есть хозяин.

Я в юности был светел и любим,
отец был жив и жизнь была чудесной.
Но разом изменилась жизнь моя
и я познал бессовестность и подлость:
нас в одночасье бросили друзья,
как помер мой отец Владимир Отлас.

Я не пошёл к начальству на поклон.
Был справедливым и не бил лежащих.
Искоренял в Якутске самогон,
за что попал в Анадырь,
как приказчик.
И где ж тобою выдуманный Город?»

«Не город это. Целая страна!
Там видел я из льда до неба гору
с вершиной, раскалённой докрасна.
Там у меня есть друг хороший Камак.
Живёт семьёй на берегу реки
в землянке с сыновьями и внучками.
Они охотники и рыбаки.
Известно, у меня губа не дура,
но с Камаком обмен мой был хорош –
за пару сороков собольих шкурок
я подарил ему бурятский нож**.
Конечно, не проста туда дорога.
Она идёт на полдень от острога».

* Бурятский нож – мунген хутага, прямой однолезвийный нож общей длиной 30–40 см.

«С тобою хоть куда пойду, Лука!
Держи, дружище, вот моя рука!»

«Нам с тобой повезло,
мы с тобой не боярские дети.
С воли вольной пришли мы
и вольною волей уйдём.
Если спросит Господь,
где с Володькой нам быть на том свете?
Я скажу – хоть в раю, хоть в аду –
лишь бы быть нам вдвоём.

Не фискалили мы
и не гнули услужливо спины.
На чужой каравай
разевать не любили мы рот.
Если звали, то шли,
как обычно уходят мужчины –
в Мэнерик Шарморнэл
до высоких полярных широт.

Те, кто с нами в дороге, поймут,
что не лыком мы шиты.
Божьей волей в пути мы!
И наша задача проста.
Не боимся,
не верим,
не просим –
такая защита,
чтоб антихриста
нам не поставить на место Христа.

«Не Атласов я буду,
 коль не разузнаю дорогу
 к той стране, где Лука был.
 Я – пятидесятником* стал!
 Поутру направленьем на полдень
 пойдём от острога,
 юкагиры с казаками,
 нас чуть поболее ста.

А что мало казаков
 останется нынче в острожке,
 так пушай голова воеводы
 в заботах болит.
 К новым землям идём!
 Но об этом не знает Морозко.
 Ты, Лукашка, прости.
 Не хочу с тобой славу делить.

Дальше – только вперёд,
 по-другому уже невозможно.
 Я за этот поход
 задолжал полтора ста рублей.
 Горем луковым стать
 на посмешище – тоже возможно.
 Но к победе иду!
 В крайнем случае – к смерти своей...

* Пятидесятник – воинская должность, командир формирования (копейщиков, пищальников, стрельцов и т. д.), состоящего из 50 человек.

4 апреля 1697 г.

*С утра приказчик Постников Григорий
 с казаками отправился в погоню,
 чтобы догнать Атласова ватагу,
 остановить и развернуть маршрут.
 Дабы острог Анадырский от пагуб
 предохранить.*

*Не то его сожгут,
 хоть завтра чукчи или юкагиры,
 которых не смогли утихомирить.*

В погоне и Морозко, и Голыгин
 догонят ли Атласова? – как знать...
 Такие вот чукотские интриги.
 ...Но не смогли они его догнать.*

*Конечно, поступил Атласов жёстко.
 Все воротились – лишь Лука Морозко
 по перевалам двинул без оглядки
 в безлюдье, где ни чумов, ни яранг.
 И кто бы знал, что на кону Камчатка!
 А на него Атласов
 шёл ва-банк!*

* Голыгин Иван – сибирский казак-землепроходец, открывший о. Карагинский у северо-восточного берега Камчатки. В 1700 г. проехал на оленях и собаках от Анадырско-го острога на восточный берег Камчатки к устью р. Караги, против которого увидел в море остров. На байдарках с двумя товарищами отправился на остров для сбора ясака с местных жителей, но ясак не собрал. Вернувшись на Камчатку, пересёк почти весь полуостров в юго-западном направлении. Погиб на юге Камчатки, на реке, названной в его честь Голыгиной.

3

«Привет, Лука, нельзя нам друг без друга.
Пересеклись опять у нас пути.
Обречены с тобой ходить по кругу,
так тесен мир, что нам не разойтись».

До снежных гор с пылающей вершиной
ты где-то здесь ходил своим путём.
К чему бродить ватагою единой,
разделимся и врозноту пойдём.

Быстрее застолбим христовы земли.
А канителиться нам не с руки –
дорогой объясачим всех туземцев.
Встречаемся вблизи Большой реки».

4

«Прощайте, любимые други.
Разбредаются наши пути.
Разреши придержать твою руку.
Если чем-то обидел – прости.

Посидим на пеньке “на дорожку”,
ведь не все воротятся домой.
Может завтра ничком упадёшь ты.
Меж лопаток с калёной стрелой*.

* Калёная стрела – стрела с древком из нескольких продольных частей из разной древесины, соединённых между собой рыбьим клеем.

Пожелаем удачной дороги.
Пусть не ведает смерти живот.
А тревога, тревога, тревога
скоро душу в ошметья порвёт».

5

За горами возле речки Нанок*
скромно вот уже который год
здравствует коряк ясачный Камак.
В тимусчиче всей семьёй живёт.

Он слывёт береговым коряком
(нымылан – береговой коряк).
А вчера пришли к нему казаки –
внове стали требовать ясак.

Как в пустыне вопиющим гласом
на незваных кликал он гостей.
Камак ведь не знает, что Атласов
на поход сто пятьдесят рублей
занял.
Вот такая мелодрама –
отобрали внуков и детей.
Грустный намылан ясачный Камак
по тайге шукает соболей.

* Нанок – ныне река Морошечная на западном побережье Камчатки.

Шли к реке, а нашли поле брани.
 Наперёд было так решено,
 что по знаку Ома и Тыкно*
 в унисон в бубны вдарят шаманы.
 В купине возле речки Паланы
 юкагиры укроются.
 Но
 в один миг окружили ватагу.
 Стрелы над головами летят.
 Юкагиры поднялись в атаку.
 Шесть казаков убили. Однако,
 всех придушат, как малых котят.

Над свирепой дерущейся массой
 мат казачий и раненых вой.
 Страшен яростный сабельный бой.
 Все изранены. Ранен Атласов.
 Снег от крови стал липким и красным,
 вспыхнул огненной купиной.

Перед смертью холодными щами
 уголиться б да квасу кувшин...
 Вдруг жажухнули хором пищали.
 И Ома, и Тыкно закричали
 в суете: «*Бра-а-хтатын!*
*Бра-ахта-а-атын!!!***»

* Ома и Тыкно – юкагиры, участники осады В. Атласова.

** Брахтатын (камч.) – огненные люди.

По снегам окровавленным – свечи.
 Погребение братское в поле.
 «Ой, Лука, мой родной человек!
 В самый раз ты пришёл к нам на помощь».

«Слышал я от ясачных коряков –
 собираются крупные силы,
 чтоб на речке Палане казаков
 перебить и людей луусии*.
 Развернулся – и ходу обратно,
 всей ватагой к тебе прибежал.
 Мы, Атлас, с тобой, вроде, как братья.
 Слава Богу, что не опоздал».

«Брат, забудем про все разногласья.
 В путь-дорогу, об руку рука,
 по Камчатке – Володька Атласов,
 в Град грядущий – Морозко Лука!»

Грустный намылан ясачный Камак
 по тайге шукает соболей.
 В мыслях заскоружлыми руками
 обнимает внуков и детей.

* Луусии – так юкагиры называли русских.

Только соболиной нет добычи.
Нет в заботах отдыха и сна.
Вот и бродит возле тимусчича
Камак. И не может осознать:

чем задобрить можно Куйкынняку*,
чтоб увидеть внуков и детей.
Только нет у бедного коряка
соболиных шкурок, хоть убей.

Разрешилось всё предельно просто,
ничего уже не изменить, –
к Камаку пришёл Лука Морозко
просто так, за жизнь поговорить.

«Возврати, Морозко, соболей мне.
Тех, что я на нож тебе сменял»
«Камак, поднимайся, друг, с коленей.
Нет уже тех шкурок у меня».

Только вскрик над Нанок, над рекою.
Жизнь свою, Морозко, подытожь –
намылана сильною рукою
грудь Луки вспорол бурятский нож.

*РЕКА МОРОШЕЧНАЯ (бывшая НАНОК).
РЕКА ЗЕЯ. 1 мая 2021 г.*

*Намылан здесь жил когда-то Камак.
Тимусчичь стоял когда-то тут.
Нет уже давно той речки Нанок –
все её Морошечной зовут.*

*Этому причина не морошка
с белыми цветочками весной.
Очи здесь смежил Лука Морозко.
Здесь вошёл он Город золотой.*

*Встретил здесь Савватия с Зосимо,
что хранят страну от бед и смут.
Их икону илом заносило
в Зее, при впадении в Амур.*

*Больше трёх столетий миновало.
В устье Зеи стали в этот год
строить из бетона и металла
мостовой внеклассный переход.*

*Под устой дно Зеи зачищали
и с семиметровой глубины
соловецкий образок достали,
где святые изображены*

*Божии угодники Зосимо
и Савватий,
чем не благодать,*

* Куйкынняку (коряк.) – посредник между божественной силой и людьми, Большой Ворон Куйкынняку. Он считался первым человеком, предком коряков и их защитником.

*к нам вернулись старцы, чтоб по чтимым
веру и деяния сверять.
Отмолили и Амур, и Зею.
И навстречу мыслям и мольбам
верю –
из запасников музея
их вернут нам.
Крестным ходом.
В Храм!*

9

Среди нехоженных далёких мест,
Куда не каждый может и добраться,
Стоит большой восьмиконечный крест.
А значит, здесь прошли когда-то братья,
Землепроходцы тех далёких лет.
По нашим силам просто невозможно
В истории такой оставить след.
И на душе становится тревожно –
Так много тут непознанного есть,
Что нам нельзя осмыслить и исправить.
Жизнь разделил поклонный этот крест
На – «до» и «после».
И навеки память:

*«205 (1697) года июля 13 дня поставил сей крест
пятидесятник Володимер Атласов
со товарищи 55 человек»!*

10

Кто бы знал, наречёт его Пушкин – «Камчатский Ермак»!

И его путешествия преданы будут огласке.
Но прославит его не большой соболиный ясак –
в иноземных посольствах особо ценить будут
«скаски»*,

как подробный отчёт о неведомых миру местах.
Тех, кому суждено под крестом в дальних землях
остаться, –
поимённо помянем казаков, оставшихся там, –
вышло их шестьдесят, а в Якутск воротилось
пятнадцать.

С ним прибудет с Камчатки в Москву Татэкава
Дэмбей**.
Говорят, не иначе, Индейского царства подьячий.
За хорошую службу получит герой сто рублей.
И хоть не из дворян – головою казачьим назначат.

* «Скаски» – так назывались в то время устные показания, записанные подьячими, скреплённые подписью Атласова и сохранённые в архивах. Они являются основным источником сведений о жизни и героическом походе Атласова.

** Татэкава Дэмбей официально считается первым японцем, который посетил Россию и даже смог лично встретиться с русским царём Петром I. О его жизни и путешествиях ходит множество легенд, а его биография по-прежнему интересует многих учёных, занимающихся изучением истории нашего государства того времени.

А в Европу рубили окно, чтоб задули ветра.
Медный всадник привстал над седлом, опираясь
на стремя.
И Атласов почувствовал, что настаёт его время.
Открывала Россию железная воля Петра.

11

Две пушки, ядра, полковое знамя
и бисера цветастого не счесть.
Отныне Бог и Вера будут с нами!
О нас уже летит до Лены весть.

Всем хочется на нас озолотиться.
Там дорого всё стоит. Потому
дощаники* нужны, чтоб вывозиться.
А нам до снега надо торопиться.
Добром не отдадут – так изыму!

Дощаники шли вверх по Енисею.
Купец Добрынин не авторитет.
Забрать суда желанье возымею.
я – голова казачий или нет?

Дощаники, отобранные нами,
везут товары наши. Всё, что есть:
две пушки, ядра, полковое знамя
и бисера цветастого не счесть.

* Дощаник – плоскодонное деревянное речное судно небольшого размера с палубой (или полупалубой) и одной мачтой, использовавшееся, главным образом для транспортных целей.

12

Не зарекайся от сумы, тюрьмы...
Добрынин Слово высказал и Дело*.
Из-за такой дурацкой кутерьмы
Атласова удача улетела.

Ой, горе наше – Енисей-река.
Жизнь коротать опять придётся в тундре.
С разбойниками вместе. Как зека,
отправился Атласов на цугундер.

13

Среди лиц,
у которых до черепа вырваны ноздри
и тряпицей заткнутые дырочки
вместо ушей**,
были люди, как звери.
А звери там были, как монстры.
На цугундере чалился
ты среди «достойных» мужей.

А Камчатка в то время
стонала от зла и разбоя.

* Слово и дело (государевы) – выражение в Московской Руси и в Российской империи до правления Екатерины II, означавшее, что произнесший его может или хочет донести властям о каком-нибудь государственном преступлении, в результате чего как оговорённый, так и доносчик привлекались к следствию.

** «Соборным уложением 1649 г.» предписывалось за кражи и разбой отрезать уши, а у осуждённых на вечную каторгу вынимали ноздри до кости.

Невозможно уже перечесть
всех бесчинств и обид.
И тогда «кто-то умный»
вдруг нашего вспомнил героя –
кто Камчатку открыл,
тот пушай и её усмирит.

14

«Пора, Атласов. Принимай дела!
Лишь ты тут можешь навести порядок.
Туземцы поселенья жгут дотла.
В засады стали попадать отряды.
И по погибшим тризны каждый день.
А казаки – как душегубов шайка!

«Сейчас надену шапку набекрень
и в ход пушу любимую нагайку.
Казак вприпрыжку от меня бежит.
Гляди, как разбегаются по-заячьи.
Я вас России научу служить!
Пусть помнят, кто здесь голова казачий!
Они, конечно, потеряли страх.
Ужо кнутом я преподам науку!
А кто-то слух пустил, что в этот раз
я утаил лисицу чернобурку!
В казне ясачной мало соболей...»

И вдруг за речкой ветра отголоском
опять позвал куда-то в даль полей
знакомый голос...
Как Луки Морозко...

«Лукашка... Где ж твой Город золотой?
Ведь я в твоём убийстве виноватый
на речке Нанок.
Был бы я простой
казак.
Пятидесятник, вероятно.
Но ты поведал о Камчатке мне.
По праву ль я ношу твои заслуги?
Как хочется сегодня при луне
завыть печалью о надёжном друге.
Вот только слёз не надо.
Я сейчас
приду в себя.
Да что ж это такое?
Ко всем чертям – уйду в Нижнекамчатск!
И дней остаток доживу в покое...»

НИЖНЕКАМЧАТСК. 1 февраля 1711 г.

*«Мне сообщили, что они пришли.
А если б не пришли, то было б чудо.
Они бы всё равно меня нашли.
И под рубаху надо бы кольчугу
надеть.
Взять саблю,
нет, достать пищаль
и выстрелить по ним при входе в сени.
Эх, пропади ты пропадом, печаль!
Сегодня я настроен на веселье!»*

*Морозко не хватает мне сейчас
уж он бы мне прикрыл надёжно спину.
Как я устал.
Ах, если б только час
поспать.
Гори, сгорай моя лучина!*

*И помолиться надо бы успеть.
Что Господу скажу я в оправданье?
Всё правда,
что мучительна не смерть –
она быстра –
но смерти ожиданье...*

*Стук в двери.
Что – уже?! Пойду открою...
Анциферов Данило* первым вхож.*

.....

...Данило вышел из избы.
От крови

о голенище
вытирая
нож.

* Анциферов Данило – русский землепроходец; сибирский служилый человек, находившийся в ватаге, которая взбунтовалась против своего командира Атласова; затем Анциферов принёс повинную, разбил камчадалов, обложил их ясаком. Вскоре был со своей дружиной сожжён авачинцами (ительменами).

Песнь четвертая

ИКОНА

Там есть тоже Россия –
В заоблачных дальних краях.
Там на Пасху – весна.
На Крещение – морозные зимы.
Белоснежные ризы повсюду
Святых и бродяг.
И идут по мосту к нам
Святые Савватий с Зосимо.
Там, как здесь, новый день
Начинает с Камчатки страна.
Сахалин и Приморье,
Хабаровск, потом Благовещенск.
Триста двадцать пять лет
Там Камчатка России верна.
И летят скоротечные годы
Стремительно в вечность.

«Помнишь, как с Одигитрией
Шёл ты к полярным морям?»
«Да. Снегами по крышу
Зимовье моё заносило...»
«Стало быть, жизнь свою
Мы прожили, Савватий, не зря».
«Не смогли коммунисты
Обитель разрушить, Зосимо».

«Жаль, Савватий, не выйдет никак
Из разрухи страна».

«Из безбожия выйти не просто –

Пусть знают потомки

С атеизмом своим...»

«И, Зосимо, не наша вина,

Что на место героев

Приходят глупцы и подонки».

«Что же правильной будет –

Двуперстие или щепоть?

Для меня до сих пор

В этих пальцесложеньях интрига».

«Лишь бы жили без брани, Савватий,

Храни их, Господь!»

«Пусть по вере, Зосимо, и крестятся,
лишь бы не фигой».

Так неспешно идут по Руси

Два седых старика

По тропинкам лесным,

По просёлочным пыльным дорогам...

А над солнечным полем

Куда-то плывут облака...

Верьте, люди, в Россию,

Как верите в Господа Бога.

12 октября 2020 г. – 15 ноября 2021 г.

г. Петропавловск-Камчатский – пос. Палана –

пос. Соловецкий – г. Санкт-Петербург – пос. Ключи –

пос. Козыревск – пос. Усть-Камчатск

СОДЕРЖАНИЕ

Истовая сила памяти. От автора	5
Причастный	9
«Я люблю эту жизнь!..»	10
Жизнь	12
«Февраль снегами заметает след...»	14
После концерта	15
«В роще за дорогою, в тиши...»	16
Совка-ночница	17
Про стеллерову корову	18
Корякский танцор	20
По реке Камчатке. Исход	22
В храме	23
Бубен	24
Поэт	25
Поморская песня	26
Странники	28
В Бессмертном полку	29
«Когда были живыми родители...»	30
Остров Шумшу	31
Чайки	32
Котелок	33
Курилы	34
Воспоминание об Атлантах	35
«Как-то тихо ушли великаны...»	36
Памятник	38
В день 50-летия Победы	39
«Времена безбожия растаяли...»	40
Совок	41
Возрастное	42
«Жили атеистами...»	43

Ксения Петербургская	44
Иуда Искариот	45
Страстная пятница	47
«Год от года не легче...»	48
«У природы нет скверной погоды...»	49
«Троеручица»	50
«Казанская»	51
«В путь-дорогу...»	52
Соловки	53
Колокольчик	55
Радуга	56
Дорога к храму	57
Господин Монастырь	59
«На Тамарином причале...»	61
Григорий Р.	62
«Нас, пребывающих в движенье...»	63
«В полнолуны таинственном мраке...»	64
Календарь Майя. 21.12.2012	65
Вальс	67
Жёлтый ангел	68
«В потаённой долине...»	69
«Я над бухтой стою на закате...»	70
«За рекою туман и дожди...»	71
Кризис среднего возраста	72
«Как тягостна зима и короток апрель...»	73
«Ты мне приснилась вновь. Который раз...»	74
«Пусть по клавишам белым...»	75
Первое пианино	76
«Появленье моё в этой жизни...»	79
Перед зеркалом	80
Сказ о безымянном проливе	81
Баллада о мостовой опоре	83

Витя	88
Храм успения Пресвятой Богородицы	91
Восьмой столп России	110
Священные рубежи	131
На самых дальних берегах	153
«И на Тихом океане...»	166
Про чемодан и сорок третий год	191
Ихтис	213
Нижнекамчатские песни о землепроходцах	228

Татауров Владимир Владимирович
БЫЛЫХ СТОЛЕТИЙ ИСТОВАЯ СИЛА
Стихотворения и поэмы
Избранное

Формат 84×108 1/32. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 6,07.

Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Тираж 200 экз. Зак. №

Отпечатано в Издательстве ДЕАН
191119, С.-Петербург, ул. Константина Заслонова, д. 17